

Хабиб Ахмад-заде

Шахматы с Машиной Страшного суда

Иранский бестселлер

Хабиб Ахмад-заде
Шахматы с Машиной
Страшного суда
Серия «Иранский бестселлер»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17356835

Шахматы с Машиной Страшного суда: Садра; Москва; 2015

ISBN 978-5-906016-71-3

Аннотация

Этот роман посвящен страшным и героическим событиям Ирано-иракской войны 1980–1988 годов. Книга повествует о нескольких днях из жизни юного ополченца, который вместе с горсткой товарищей держит оборону в окруженном врагами городе. На долю молодых людей выпадает нелегкая задача: разыскать и уничтожить поступившее на вооружение иракской армии новейшее оборудование, способное переломить ход боевых действий...

Для широкого круга читателей.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	9
Глава 2	38
Глава 3	55
Глава 4	61
Глава 5	72
Глава 6	82
Глава 7	103
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Хабиб Ахмад-заде

Шахматы с Машиной

Страшного суда

© Фонд исследований исламской культуры, 2015

© ООО «Садра», 2015

Предисловие

Ирано-иракская война – один из самых жестоких военных конфликтов конца XX века. По сути, он явился попыткой иракского диктатора Саддама Хусейна подчинить молодую Исламскую Республику и завладеть богатейшими нефтяными месторождениями пограничной с Ираком области Хузестан. За Саддамом стояли страны Запада, в частности, США и Великобритания, стремившиеся его руками уничтожить в зародыше иранскую революцию. Однако иракское руководство и его западные покровители даже представить себе не могло, с каким мощным отпором придется столкнуться захватчикам, когда народ Ирана в едином порыве поднимется на защиту своей страны. «Священная оборона» и «Навязанная война» – так до сих пор именуются те события в иранском обществе. Да, эта война была навязана молодому государству, еще не полностью оправившемуся после революционных потрясений, и люди, совсем недавно сражавшиеся с прозападным шахским режимом, вновь объединились в священной порыве, чтобы отстоять свои завоевания и свою независимость. В то время как Ирак поддерживали практически все крупные мировые державы, иранцам приходилось воевать чуть ли не голыми руками, но ни отсутствие новейших вооружений, ни наложенные на страну незаконные международные санкции не могли сломить духа иранского наро-

да. Война, планировавшаяся иракским командованием как молниеносная, продолжалась восемь лет, с сентября 1980 до августа 1988 года, и унесла с обеих сторон сотни тысяч жизней, а главным итогом ее стало то, что мир понял: с Ираном нельзя разговаривать языком силы, ибо народ, опирающийся не только на мощь оружия, но и на глубочайшую духовность и жертвенность, непобедим...

В современной иранской литературе военная проза представлена отдельным и очень ярким направлением. Многие авторы, пишущие о Священной обороне, сами сражались на передовой – именно поэтому их произведения так документально достоверны. Здесь есть всё: и батальные сцены, и рассказ о трагедии гражданского населения, и – самое главное – глубочайший духовный подтекст. Вообще вся литература Ирана, начиная с древнейших времен, проникнута неповторимой духовностью, а в годы тяжелейших испытаний духовное начало нации в целом и каждого отдельного человека принимает особую окраску, становясь тем стержнем, без которого невозможно ни выжить, ни победить. И, как алые тюльпаны из капель крови павших за родину, так из светлой и трагической памяти вырастают яркие, берущие за душу произведения, заставляющие думать, сопереживать, а главное – помнить...

«...и взяла (жена) плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги...»

И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один

из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.

И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят.

...и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни».

Ветхий Завет. Книга Бытие.

«Когда же настал вечер, (Иисус) возлег с двенадцатью учениками; и когда они ели, сказал: ... один из вас предаст Меня... опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня...

...говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь, ибо написано: «поражу пастыря, и рассеются овцы стада»...

Петр сказал Ему в ответ: если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь.

Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня».

Евангелие от Матфея.

«Когда солнце будет скручено,
и когда звезды облетят,
и когда горы сдвинутся с мест, ...
и когда животные соберутся,
и когда моря перельются, ...
и когда зарытая живьем будет спрошена,
за какой грех она была убита,
и когда свитки развернутся, ...

*и когда ад будет разожжен,
и когда рай будет приближен, —
узнает душа, что она приготовила».*

Коран. Сура «Скручивание»

Совершенно секретно

Кому: Командованию соединений и частей в окруженном районе Абадана и Хорремшехра

От кого: Главный штаб Группы войск «Юг»

Тема: Введение в бой радара

Согласно полученным разведывательным данным, противник на нашем театре военных действий ввел в бой радарную установку «Цимбелин» французского производства. В этой связи предписывается в срочном порядке собрать и передать в Главный штаб любую информацию, касающуюся указанного радара, для принятия мер по...

Когда штабная машинистка ударами пальцев набивала черные буквы этого распоряжения на белую бумагу, она, возможно, не догадывалась, что через два-три дня эти слова, подобно буре, разметают и нашу жизнь, и нашу войну...

Глава 1

– Согласен?.. Согласен?.. Четыре дня всего лишь!

Печальное сияние горящего нефтезавода освещало его лицо, делая блеск искусственного глаза еще более дерзким, чем обычно.

Дважды – неожиданное пробуждение! Первый раз меня разбудил ахнувший взрыв бензохранилища, в которое наконец угодили прямым попаданием. И миллионы литров горючего, словно огненный гриб, взлетели к небесам. Я спал на бетонной крыше, и кожа лица почувствовала жар этого пламени, слепящий его свет пробился сквозь веки.

И вот второй раз... Я засекал вражеские оружейные позиции, и меня сморил сон, из которого толчком руки вырвал меня Парвиз. А ведь ничто меня так не мучает, как недосып, и господин Гасем, командир прибрежного укрепрайона, знал это и по возможности щадил меня.

– Ну как, ты с уловом?

– Парви-из... – застонал я. – Не видишь, что я сплю?

Я сел, ничего не соображая. Кирпичный бортик по периметру крыши был достаточно высок, чтобы скрывать нас от врага.

Парвиз тоже сидел на корточках рядом со мной, и вот он начал массировать мои плечи.

– Тебе семнадцать, мужчина уже! Должен бодрствовать –

ты ведь наблюдатель! А ты дрыхнешь напрапалую...

Я понял, на что он намекает: на ту похвалу, которой удостоил меня господин Гасем, сказав недавно: «Молодец! Вот теперь ты становишься настоящим мужчиной!»

Я ничего не ответил Парвизу. От начала ночи и до того, как уснул, сколько вражеских орудий я засек?

Там, по ту сторону реки, за пальмовой рощей, из одной из сотен кротовых кучек – вражеских земляных укреплений – выдвигался орудийный ствол и делал выстрел, а я в полной тишине напрягал зрение и, как только замечал эту неяркую вспышку, нажимал на пуск секундомера и потом весь обращался в слух.

Через несколько мгновений, когда до моих ушей долетал гром выстрела, я останавливал бег стрелки. Затем, умножив полученное время на скорость звука (333 метра в секунду), я получал эту страшную дистанцию, начинающуюся от одного из зарытых в землю вражеских орудий, идущую по прямой над пальмовой рощей и над пограничной рекой и заканчивающуюся в точке моего секундомера.

В тетрадь в кожаном переплете, оставшуюся от моего отца, я заносил результаты, а назавтра, при полном свете дня, предстояло пометить орудия на карте.

– Ну, что молчишь? – Парвиз перестал массировать мои плечи. – Спрашиваю: поймал что-нибудь? Я вон двух поймал, покрупнее прежних! Пойдем, глянешь на них. Они в бочке.

– Парвиз, дорогой мой! Дай поспать! Я к утру встану, еще буду наблюдать.

– Ну ладно, валяйся!

Но он тем не менее не уходил.

«Чего ему нужно? Еще двух, говорит, поймал...»

В те ночи, когда боев было меньше, Парвиз спускался в тот длинный проем, что тянулся вдоль причалов, позади громадных портовых кранов. Там были уложены трубы нефтепроводов, и там он находил путь к воде. Трубы были укреплены ниже причалов, но выше уровня реки, и здесь Парвиз облюбовал себе место, безопасное от вражеского обстрела, сидя в котором, он мог спокойно удить рыбу.

Первое время, наживив крючок шариком теста, он, полный надежд, забрасывал удочку и ждал поклевку. Но с началом войны река наполнилась голодными акулами, у которых не стало теперь пищевых отходов с проходящих судов, а потому не брезговали они и его тестом. И вместо съедобной рыбы крючок хватали одни акулы – и отрывали его напрочь. Парвиз и решил, следовательно, вылавливать акул, чтобы таким образом, как он представлял, хоть немного восстановить биобаланс в реке.

Трудность была лишь в том, чтобы найти леску, способную противостоять бритвам акульих зубов. Проблему эту Парвиз решил, взяв тросик в одном из разбитых осветительных снарядов. Это была стальная проволока маленького диаметра, длиной около полуметра, к которой он прикрепил

специальный акулий крючок. Остальную часть леса изготовил из корабельного каната. Сначала разъял его на слои, а потом, взяв три жгута, сплел их наподобие девичьей косы.

И вот каждый вечер, на закате, когда воюющие стороны уставали от стрельбы, он спешил в свою щель под причалами, насаживал на крючок тесто с вкусной приправой и, придвинув поближе свою короткую, но увесистую дубину, забрасывал рыболовную снасть. Ближайшая невезучая акула, уцелевшая от снарядов и противокорабельных мин, почуяв съестное, стремилась к наживке и заглатывала ее.

Ее челюсти встречали стальной поводок и – хочешь не хочешь – начинали его перепиливать. Акула принималась кувыркаться и изо всех своих телесных сил, применяя всю свою врожденную сметливость, делала ставку на то, чтобы порвать стальную проволоку. Это, разумеется, ей не удавалось, но она не капитулировала и продолжала ту же политику, увеличивая дистанцию. Не ведая того, что вся надежда ловца как раз и основана на таких ее действиях.

Парвиз отпускал свою витую лесу, и акула плыла на стремнину реки. Но то и дело он резко подсекал, и острый крючок глубже вонзался в ее пасть. А потом опять стравливал лесу.

После десятков таких ослаблений-натягов акула выбивалась из сил и смирялась со своим несчастьем, покорялась судьбе – и вот тогда он подтягивал животное к берегу и в тот миг, когда голова его показывалась из воды, оглушал своей толстой дубинкой и, уже совсем потерявшее разум, вытаски-

вал на сушу.

Ну и что – поймал акулу, а к чему она?

Первой пойманной акуле он распорол брюхо и извлек печень, стал ею натирать свои ноги. Он слышал, что жир акульей печени полезен от боли в ногах – правда, болей-то у него как раз не было... Затем его странный мозг посетила новая идея: он наполнил речной водой 220-литровую железную бочку и, сунув в нее акулу вниз головой, объявил, что это теперь не бочка, а «акулий аквариум». Бедная акула целиком не поместилась, и хвост торчал, но несколько часов она прожила в таком положении, пока не задохнулась...

...По тому, как Парвиз несвоевременно замолкал, я мог предположить, какие зловещие планы он вынашивает на мой счет. И правда: вот рука его потянулась к моему полевому биноклю... Я резко ударил его по руке. Без единого звука он отдернул ее, спрятал под мышку и изумленно на меня воззрился.

«Вот второй признак! Почему он не реагирует?»

Недоумение мое росло. Парвиз был не из тех, кто, если им в чем-то откажешь, оставят это без ответа, хотя бы словесного. А то мог бы просто схватить бинокль и удрать...

Вот он чуть отодвигается: мне стало немного легче... Что ж, раз уж нельзя поспать, использую это навязанное бодрствование, чтобы засечь еще несколько проклятых орудий. А прямо с утра двину в город на поиск воронок, которые я тоже обязан наносить на карту.

– Я хочу в отпуск пойти!

А какое отношение ко мне имеет его отпуск? Я поднес к глазам бинокль. Туда, вдаль, к этой размытой линии между землей и небом, уходили скрадываемые чернотой пальмовые рощи.

– Я тебе говорю! Хочу в отпуск поехать!

– И езжай себе! Кто тебя держит?

– Подмени меня!

– Как это?

– Не тупи! – Парвиз аж на крик перешел. – Подменишь меня! Будешь водителем кухонной машины!

Я медленно опустил бинокль и серьезно посмотрел на Парвиза. Глаза в глаза. Он отлично меня понял.

– Ну что ж, раз так... Я не настаиваю. Увидимся!

И он встал, повернулся кругом и прыгнул с бетонного козырька крыши вниз, повис на руках. Я смотрел на него в ошарашенности. Он не снизошел до спора! И, может быть, мне невдомек, а акулий крючок уже засел в моей челюсти, и мне теперь только кажется, что я дергаюсь и верчусь по собственной воле. Всё может быть!

Но это дело я не должен так оставить! Из наблюдателя превратиться в шофера кухонного фургона?

«Поистине смеху подобно...»

...Резкий и сильный свет бьет мне в глаза. Я пытаюсь вновь натянуть на голову одеяло, но его что-то держит! Открываю глаза. Надо мной склонилась фигура господина Га-

сема.

– Опять ты спишь тут, на крыше? Утренний намаз пропустил!

Я кивнул и присел. А когда окончательно разлепил усталые веки, его уже не было. На четвереньках я добрался до козырька крыши и спрыгнул вниз...

Из темного коридора штабного здания выхожу под открытое небо. Цистерна об одном колесе всё так же стоит, накрываясь, и из крана ее, как всегда, капает. Я открываю кран... Давненько уже взрывом повредило это второе колесо, но Парвиз всё никак не привезет его назад из ремонта.

Омовение холодной водой привело меня в чувство, и тут слух резанул скрежет металла о металл. От таких звуков у меня волосы дыбом встают. Тем не менее я вслушался. Звук шел из-за горы бетонных блоков, привезенных несколько дней назад для устройства стрелковых позиций вдоль причалов. Но пока не подвезли штыри, которыми блоки должны быть скреплены друг с другом через специально проделанные в них отверстия. Потому они сейчас просто громоздились кучей.

Стараясь не запачкать ноги после омовения, я свернул к этим блокам. Да, это был он, Парвиз. Он с силой скреб по дну пищевого бачка. Увидев меня, развернулся ко мне спиной, сидя на том же месте. А я прошел дальше, чтобы прочесть пропущенный намаз.

Я вошел в коридор нашего отряда. Одна половина здания

была разрушена вражеской «гатюшей», и мы использовали другую, невредимую. В темноте коридора взгляд мой упал на силуэт моего мотоцикла. Чернота его бака была темнее сумерек коридора. Раньше я пользовался мотоциклом брата, но осколки взрыва превратили его в ничто, и нынешний мотоцикл я получил от Амира, с которым мы работали в паре, посменно.

«Если бы я тот, как теперь вот этот, затащил тогда в коридор...»

Лампочка горела, но в абажуре из мешковины, потому я лишь ощупью мог найти свой молитвенный коврик. Этот зеленый коврик лежал рядом с одеялом под головой одного из парней. Кто это, я не разобрал. Парни лежали вповалку, вымотанные ночным дежурством, еще спали, и я осторожно ставил ноги, пробираясь между ними.

В начале молитвы, при воздевании рук, мне показалось, что кто-то неподвижно стоит у меня за спиной, позже, при коленопреклонении, слышался звук его шагов...

Я открыл свою зеленую полевую сумку: компас, секундомер, две ручки, синяя и красная, скрепленные вместе скотчем, деревянная линейка, тетрадь для записей в кожаном переплете, карта города в прозрачном чехле... Ничего я нигде не забыл.

Я затягивал шнурки ботинок, когда вновь почувствовал, что кто-то подглядывает. Поднял голову, но никого не увидел. Встал и перекинул через плечо ремень полевой сумки.

Рация в заплечном ранце прислонилась к дверному косяку и словно бы умоляла взять ее с собой. Вчера днем села ее батарея, и, пока не будет вставлена новая, рации придется молча, выключенной, оставаться здесь.

«Итак, что у меня на сегодня? Ага! Найти воронки ночных обстрелов».

Пунктом первым сразу должен стать тот снаряд, который поджег вчера большое бензохранилище – в таком огне сами осколки того снаряда наверняка расплавились.

Я потянул за руль мотоцикл и пяткой ударил по подножке. Пружина сработала, и подножка поднялась, и теперь мотоцикл всей своей тяжестью налег на меня. Я плавно покатил его вперед. Это были единственные моменты, когда этот мой верный друг опирался на меня – так подкошенный болезнью человек мог бы опереться на руку друга.

Выкатываю мотоцикл во двор перед штабом. Слева Парвиз грузит в свой автофургон пищевые бачки. Бросил на меня краткий взгляд и продолжает работу.

«Четыре дня отпуска! Мечтай, мечтай!»

Я соединил проводки под рулем мотоцикла и сел в седло. И Парвиз сел за руль фургона. Я сильно ударил по ножному стартеру...

Привычным делом было, что с одного удара не заведется... Тогда второй удар... Третий удар... Четвертый... Парвиз включил зажигание, и его двигатель заработал. Наши взгляды встретились, и на этот раз уже я поспешно отвел

глаза.

Опять я терзал педаль ножного стартера. Бесполезно. Я знал, что его мрачный взгляд сзади буравит мне шею...

На этой своей сальной кухонной машине он ни единого раза вовремя, как следует, не обслужил ребят. Ребята говорили: «В городе застряло несколько несчастных, и вот он сначала им отвозит еду. Да и не только: еще и керосин, и воду питьевую. Фронттовую машину превратил в социальную».

Однажды Гасем ему попенял: нужно бы их прикрепить к мечети, пусть там получают еду. И услышал такой ответ:

– Эти не из тех, кто ходит в мечеть!

Никто из нас не видел этих людей, лишь от Парвиза мы слышали, что это кучка старушек и стариков...

...И вот ветер сдувает назад мои волосы, и от холода у меня выступают слезы. Я сижу на заднем сиденье мотоцикла и изо всех сил стараюсь не грохнуться на пищевые бачки. Но вождение Парвиза и раздолбанная снарядами и минами дорога таковы, что удержаться мне не проще, чем на качающихся во всю силу качелях.

По обеим сторонам дороги повалены столбы и лежат на земле их провода. Из кузова фургона, поверх его обмазанной глиной кабины, мне хорошо видны приближающиеся воронки.

– Осторожно!

Но он меня не слушает; и то правые, то левые колеса фургона ухают в эти ямы, и тогда всё в кузове: пустые пищевые

бачки, мотоцикл и я – взлетаем и падаем. И, как бы я ни был зол, приходится терпеть.

Поскольку мотоцикл так и не завелся, единственным выходом было отвезти его в ремонт в кухонном грузовичке, и удивило меня то, как быстро согласился на это Парвиз. Чтобы он предоставил свой замечательный фургон для перевозки груза? В другое время мне пришлось бы всю душу свою вынуть, чтобы уговорить его...

Поначалу и тут он посмотрел на меня высокомерно. Словно отец на строптивного сына, в конце концов явившегося с повинной, и теперь отцу решать, простить его или наказать. Я махнул рукой:

– Ну не берешь, так не бери!

И пошел в город пешком; но он поспешил согласиться:

– Эй, залезай, чего там! Не выпендривайся!

...Еще одна воронка, и вверх летит большой пищевой бак. А также три пластиковых контейнера для воды, шумовки и поварешки и вместе с ними мотоцикл и я, вынужденный, по причине маленького роста, всё время опираться одной ногой о борт кузова, иначе мотоцикл бухнется на посуду. Наверняка он всё это специально делает. Я посмотрел в зеркало фургона и увидел, что он скалится улыбкой до ушей. Ну что ж, до ремонтной мастерской я дотерплю, а там...

В двух кварталах отсюда наш, покинутый теперь, дом, и, если бы не беда с мотоциклом, я бы обязательно, как обычно, слетал туда, сделав небольшой крюк.

...Ох, хлестнуло засохшими ветками!.. Я почувствовал, что лицо мое горит. В точности как этой ночью, после взрыва большого бензохранилища. Ощупал кожу лица. Жаль, что я снял зеркала с мотоцикла – чтобы на фронте ночью они не отражали свет осветительных снарядов...

Когда фургон остановился, мне, в раздражении моем, очень хотелось взять поварешку и стукнуть Парвиза по башке. Но когда он, после нескольких отчаянных попыток, открыл водительскую дверь...

Свист снаряда сорвал нас обоих с места. Я бросил руль мотоцикла и инстинктивно в воздухе совершил какой-то пируэт. Но моя грудная клетка ударилась о борт кузова, а потом лицом я так шмякнулся о землю, что даже стон мой этот удар заглушил.

А Парвиз попросту лег на землю. Взрыв раздался где-то в паре сотен метров от нас. И полетели ввысь обломки еще одного жилого дома.

Я поднялся с земли. Боль в груди была невыносимой, не вздохнуть. Хотя у меня постоянно гудит в ушах после недавней контузии от взрыва снаряда РПГ¹, все-таки я легко мог расслышать, что этот свист не был свистом того снаряда, который приземлится очень близко от тебя. Тогда зачем же я совершил свой неумелый прыжок? Наверное, из-за того, что сидел на мотоцикле, на высоте, и, значит, сработал тот довод, который стал для меня уже рефлексом: чем ближе ты к

¹ РПГ — ручной противотанковый гранатомет.

земле, тем безопаснее от осколков, которые при взрыве летят все-таки вверх.

И Парвиз поднялся с земли, без промедления запрыгнул в кузов и, подняв мотоцикл, упавший на крышку большого котла, предназначенного специально для риса, твердо поставил его в кузове на подножку. Если бы у меня была веревка, так ловко можно было бы привязать мотоцикл к бортам кузова и не мучиться с сидением на нем и балансированием...

А Парвиз внимательнейшим образом рассматривал крышку котла.

– Посмотри! Ручка твоего мотоцикла ударила в крышку и промяла ее!

Я посмотрел. Небольшая вмятинка на начищенной до блеска крышке, скорее похожая на царапину! А подумалось мне: не повредил ли этот удар сцепление, что на мотоциклетной ручке? Час от часу не легче! И так не заводится, а если еще и сцепление сломано?

То, что мотоцикл не завелся, не удивительно. С тех пор, как город попал в блокаду, транспортные снабженцы вынуждены стали высокооктановый бензин разбавлять неизвестно чем. По этой причине в любое время двигатель мог отказать.

Но рычаг сцепления на ручке был в порядке. Я ощупал грудь. Болело здорово. А в том месте, где ветки хлестнули по лицу, опухло еще сильнее.

А он всё погружен в исследование крышки котла. Словно не ее, а лицо его ранили. Я уже был вне себя от злости.

«Этот человек с ног до головы эгоист!»

Считая с утра, уже трижды я пострадал от его злокозненности: сломался мотоцикл, хлестнули ветки и вот теперь ушиб груди! Это если забыть о трех побудках за ночь!

И я не стал мешкать. Сел за руль фургона и резко захлопнул дверь. Но замок ее не сработал. Еще раз захлопнул, на сей раз изо всей возможной силы! И она закрылась как надо. В продолговатом зеркале заднего вида в кабине я посмотрел на его лицо – удивленное и совершенно покорное. Опустил руку на рычаг скоростей. Там был бильярдный шар, который Парвиз прикрепил вместо потерянной рукояти. Уже тогда, когда он получил этот фургон от предыдущего водителя, отца Джавада, рычаг был без наворачия. И вот Парвиз нашел этот шар на разбитом взрывом бильярдном столе, штыком проковырял в нем дыру и укрепил на рычаг переключения скоростей.

Включив скорость, я рванул машину с места. Парвиз, не протестуя, сидел в седле мотоцикла и упирался обеими ногами в пол кузова. Его ноги доставали до пола, и он с легкостью удерживал мотоцикл. А мне хотелось вогнать фургон в каждую воронку и рытвину, какие только встретятся. И все же я остановил себя: «Побойся Бога, сумасшедший!»

Нрав этой машины был мне неизвестен. Потому я всё внимание сосредоточил на управлении ею. Но тем самым я отвлекся от дороги, и вот угодил в яму. Фургон взлетел и ухнул вниз. Я почувствовал, как всё в кузове: поварешки с котла-

ми, мотоцикл и – самое маловажное, Парвиз – взметнулось в воздух. Он посмотрел на меня через зеркало, и мне очень захотелось, чтобы он принял это за мою месть. С деланной небрежностью я пожал плечами: я знал, что ответить он ничем не может. И я повел фургон дальше...

Мы проехали через единственный в городе рынок с едва теплящейся торговлей. И как же мне повезло, что я за рулем, а Парвиз там, в кузове, на посмешище. Справа и слева от нас лавки с выбитыми дверями и витринами, брошенные – ими завладели теперь сельские женщины-торговки, и надо слышать, какой крик они поднимают вокруг продажи двух мисок простокваши из буйволиного молока и нескольких пучков зелени. Несчастные женщины этого попавшего в блокаду полуострова: затемно они тянутся сюда пешком из деревень, чтобы добыть кусок хлеба себе и детям, оставленным из страха обстрелов там, в пальмовых рощах; дети ждут их возвращения уже вечером. Интересно, а где сейчас мужья этих женщин?

Но эти проблемы – сами по себе, а главным моим делом после починки мотоцикла оставалось всё то же. А именно: найти воронки от ночного обстрела и соотнести их с засеченными орудиями, после чего отправиться к дивизионным артиллеристам и доложить обо всем уважаемому господину майору, владельцу великолепного военного джипа, согласовать ответный огонь по вражеским батареям.

Имени господина майора я так и не спросил, и на его воен-

ной форме оно тоже не было написано. Первая наша встреча была отмечена таким сильным моим волнением, что я даже звание его перепутал, и с его стороны также возникла какая-то обида, до сих пор проявляющаяся в его холодном обращении со мной.

Я ехал дальше по проспекту, и вот – главный в городе перекресток; до войны перекресток наполняли самые разные автомобили. Слева стояли почти вплитык друг к другу христианская церковь и мечеть. Здание церкви начиналось почти от самого перекрестка и было белого цвета.

Я с силой ударил по тормозам и оглянулся. Парвиз с напряжением удерживал равновесие мотоцикла. Быстрым жестом руки он как бы спросил меня: «Чего творишь?» И я ему показал на железный, увенчанный крестом купол церкви. Тогда и он заметил следы нового обстрела – возле верхнего окна на порядочном расстоянии от крыши церкви. Там словно бы цветок распустился, рама же окна была вырвана. И черный дым взрыва оставил для всеобщего обозрения причудливый силуэт на белой стене.

Вообще эта церковь была зданием поистине удивительным. С самого детства в голове моей сидел вопрос: «Зачем христианская церковь и мечеть так близко друг к другу? Зачем их построили почти вплитную одна к другой?»

Я вновь тронул машину.

И тут же услышал, как Парвиз колотит ботинком по ее корпусу. Теперь уже он на что-то указывал мне. Ворота в

церковный двор были открыты, и там был виден мужчина в черном. Сначала мне показалось, что он просто в пиджаке и брюках, но затем я понял, что на нем священническое одеяние. Наши с Парвизом удивленные взгляды встретились: «Что делает священник в прифронтовой зоне?»

Однако за эти вопросы я не отвечал. Более важной проблемой был для меня снаряд, угодивший в церковь ниже купола. Не так давно и во двор мечети, покрытый плиткой, упал снаряд и не разорвался. Ребята, вознеся молитвы, успешно его обезвредили.

Если бы не сломанный мотоцикл, я бы сейчас легко определил тип снаряда и вычислил то место, откуда он был выпущен вчера. И я надавил на педаль газа. Ускорение фургона сопровождалось звуком взрывов в выхлопной трубе. Смесь бензина с добавками плохо сгорала на больших скоростях и производила треск и грохот. Проблема заключалась в моей вредной привычке: всегда чувствовать, что я словно бы теряю этот день. И вот я газовал, видимо, желая компенсировать потерю.

Больше я не обращал внимания на ямы. На каждой рытвине машина взлетала и падала. И до неразорвавшихся снарядов, возможно, засевших в асфальте, мне не было дела. Хотелось лишь одного: поскорее добраться до мастерской и после починки мотоцикла вскочить в его седло, заведя его с пол-оборота, и ринуться на выполнение моих основных обязанностей. Освободиться от этой засаленной кухонной раз-

валюхи, которая словно связывает меня по рукам и ногам. В этой кабине достаточно было одного свистящего снаряда... Ведь пока я открою эту дверь, шесть раз помереть и сгнить успею!

Но времени для таких рассуждений не было. Скорее нужно было добираться до ремонтной мастерской.

Когда я остановил фургон в школьном дворе, превращенном после начала войны в ремонтную мастерскую, к кабине спокойно подошел юноша в относительно чистой военной форме, непохожей на замасленные одежды остальных работников, и сказал тем негромким голосом, который на нас, фронтовиков, оказывал магическое воздействие:

– Брат! Здесь останавливаться запрещено. Пожалуйста, встань под тем навесом!

Он указал туда, где из трубок и плит соорудили временное строение. Я подчинился и повернул руль в ту сторону. И еще не доехал до этого сооружения, как Парвиз спрыгнул на пол кузова с седла мотоцикла, обеими руками продолжая удерживать его. Быть может, испугался, что головой ударится о невысокую крышу.

Я вытянул ручной тормоз и соскочил на землю. Под навесом были как бы ремонтные боксы, обложенные мешками с песком, причем брустверы из этих мешков доходили ровно до пояса человека. Словно снаряд, приближаясь, предупредил перед взрывом: «Пригнитесь, чтобы не получить осколки!» И все, прямо с инструментами в руках, нагибались ни-

же бруствера, а потом продолжали работать. А крыша навеса была обита железным листом, но вот там-то ни на палец толщины того самого песка, не говоря уж о мешках. Как будто сверху никакой опасности от снарядов не было.

Истошный крик Парвиза вывел меня из раздумий:

– Черт побери, да помоги ты! Видишь, я надрываюсь!

Задняя дверца кузова была откинута, и Парвиз, обняв заднее колесо мотоцикла, наполовину выгрузил его, да так и застрял.

Подскочив к нему, я помог, и вот уже оба колеса мотоцикла стояли на земле. А тут и ремонтник вдали показался, мужчина уже в годах. Попытался я вспомнить, как его зовут, и не смог. Поприветствовав нас кивком, он встал в нерешительности между мною и Парвизом.

– Ну, и что тут?

Лучше бы Парвиз промолчал, но он не промолчал:

– Откуда нам знать, что тут? Знали бы, сюда бы не привезли.

Я хотел сказать: «Ну ты-то что лезешь? Разве твоя забота? Это ведь мой мотоцикл!»

И вдруг вижу: ремонтник обнимается с Парвизом! У этого негодяя везде дружки!

Я открыл пассажирскую дверь фургона и заметил, что из-за сиденья высунулась черная сумка Парвиза. Его отпускная сумка. Но этот отпуск меня не касается...

Фургон поехал; нам опять предстояло миновать перекре-

сток с церковью, а затем – на фабрику-кухню за едой. Рабочий-ремонтник, как и предполагал Парвиз, дал слово, что к завтрашнему дню мотоцикл будет исправен. И когда мы выехали из мастерской, Парвиз хлопнул меня рукой по коленке:

– Старик! Всего четыре дня. Всё равно у тебя транспорта нет пока!

– Но завтра он будет. Ты соображаешь вообще? У меня одна работа, у тебя другая, совсем другая!

– Да не горячись ты – выслушай! Прямо скажем, у тебя вообще – что за работа? С утра до вечера разъезжаешь по городу! То на компас смотришь, то на секундомер – и что в итоге? Пушки засекаешь? А толку? С утра до вечера, как горох, снаряды на город сыплются. Мы же видим, что ты не то что-то делаешь! А тут, по крайней мере, давай я тебя сведу с несколькими социальными – ну, или еще говорят, «частными» клиентами. Воспрянешь духом, несчастный!

Наилучшим способом обращения с этим двуногим животным, когда оно показывает зубы, было: молчать! Но он разговорился, да еще как! Челюстная гайка разболталась...

– Один из них инженер. Как только увидишь его, он сразу тебе задаст вопрос на засыпку. Если ответишь – порядок! А не ответишь – уж он посмеется над тобой, поиздевается над тобой!

«А как же иначе? Частные клиенты, кучка индивидов, с которыми встречаешься, чтобы посмеяться вместе. На пози-

ции ни единого раза еду без опоздания не доставил – днем ли, вечером ли: ему ведь надо поехать посмеяться с людьми. Ребята думают, что они от своих пайков отделяют часть на добрые дела, а оно попадает в руки вот этого Парвиза!»

А он продолжал ораторствовать:

– Если согласишься, я тебе первоклассное место покажу для наблюдательного пункта... – И ждал ответа на эту предложенную мне взятку. Я не ответил, и он вновь обратил свое внимание на дорогу.

– Ради Аллаха, что мне еще сделать, хоть что-нибудь скажи! Место великолепное: спокойно там разляжешься. Да что я говорю: чай там можно гонять! Запросто. Не так, как на нашей отрядной крыше, где приходится как ящерице ползать.

Бабах! Бабах! – Это заработала артиллерия нашего майора: звуки выстрелов раздались позади нас. Я закрыл ему рот рукой и указал прямо вперед. Дескать, «заткнись и води машину!»

Он никак не дает мне сосредоточиться на моем основном деле. Весь его мир ограничен этими четырьмя клиентами, и точка. А мне, хоть и без мотоцикла, нужно выполнить все мои обязанности. Майор наверняка сейчас посматривает на рацию возле своих орудий, ждет, когда я выйду на связь.

– Ну что ж, как хочешь. Проблем нет. По крайней мере, нет для тех, кому я доставлял еду. Заскочу еще раз на кухню и там найду другую машину, подкинут меня до пристани. Может, сегодня вечером катер пойдет.

– Лучше бы помог священникам церкви! И вещи собрать, и подвезти их до места отправки на «большую землю».

– Накось выкуси! Мне другого дела нет, как священникам прислуживать.

Бубухх! – Странный звук выстрела со стороны противника. Я снова закрыл рукой рот Парвиза. Он резко затормозил. В моих ушах всё еще гудело от той контузии... Но я ждал звука взрыва. А его не было. Мы уставились друг на друга.

«Не разорвался?»

Затем долетел гул: обыкновенный взрыв, но далеко от нас, скорее в районе позиций нашей собственной артиллерии. То есть как понять? Враг начал артиллерийскую дуэль? И так быстро после нашего обстрела?

– Глупец ты несчастный! Не будь меня – что бы ты сегодня делал со своим раздолбанным мотоциклом?

Я промолчал.

– Говорю тебе, принимай машину! Несколько дней – с Божьей помощью – всё тебе объясню, что делать, не заметишь, как я из отпуска вернусь.

Мое молчание его злило всё больше.

– Я с тобой говорю! Язык отнялся, что ли? Ответь мне!

А мне было приятно, что мое молчание так его бесит.

Когда подъехали к перекрестку, я заглянул в открытые ворота церкви. На этот раз мужчина в черном тащил под мышкой какой-то груз и потерянно озибался по сторонам, словно отыскивая место для него. Затем взял это ведро, которое

ташил под мышкой, обеими руками и что-то вытряхнул из него. Поднялось облако пыли, и он, отступив, обеими руками начал отряхивать одежду. Потом поднял голову и увидел, что мы внимательно за ним наблюдаем. При этом я невольно поднял руку, и мужчина тоже поднял руку своим особым жестом.

Тут я хватился своей зеленой полевой сумки. Под рукой ее не было. Оглянулся: вон она, лежит на полу кузова, и на ней отпечаталась подошва ботинка – Парвизова ботинка! Ну, если он повредил стекло секундомера или компаса, я ему точно дам поварешкой, да так, что из башки совсем вылетит, как получить еду и потом уйти в отпуск. Я выскочил из кабины.

– Ты куда это? Я ведь хочу еду...

Остаток его слов я не расслышал. Быстро подхватил сумку и пошел к церкви.

Звук захлопнувшейся дверцы дал мне понять, что Парвиз следует за мной. Удивительно, но он сегодня меня слушается. Наверняка это из-за его кухонного фургона.

Обойдя вокруг бассейна перед церковью, я оглянулся на башню с электрическими часами. У часов был белый циферблат и черные стрелки, застывшие на времени 5 часов 35 минут. Точно как расставивший ноги человек, которого обыскивают. Сколько лет еще этим ногам стоять так твердо и без движения?

Часы были электрическими. Значит, они перестали идти

в тот самый миг, когда в городе отключили электричество. Я повернул, чтобы войти в дверь церкви, и лицом к лицу столкнулся с тем же самым человеком. Эта встреча в дверях была так неожиданна, что мы оба вздрогнули и почти в один голос поздоровались. Потом был миг молчания. После этого я начал мою работу.

– Тот снаряд – это новое попадание?

– Да. Минувшей ночью.

– Простите, что я не представился. Я из сил самообороны. Занимаюсь именно этим. Регистрирую попадание снарядов и на основании этого получаю информацию.

Он молча посмотрел на меня, потом перевел взгляд за мое плечо. Там подошел Парвиз с «калашниковым». Хотя я знал, что он под сиденьем всегда возит автомат, но не думал, что он его достанет именно сейчас.

Я продолжал:

– Скажите пожалуйста, когда вы приехали сюда?

Немного помедлив, он ответил, со своим особенным разговором:

– Два дня уже. Да, два дня. Приехали, чтобы забрать церковное имущество.

– Разрешение есть?

Прежде чем он ответил, я вошел в церковь. Ее пространство было разделено на две части. Слева небольшой неф, справа что-то вроде учебного класса. Между тем и другим – большое мраморное панно, в середине его выдается вперед

статуя – из желтого металла – Святой Марии, держащей на руках младенца Иисуса, как бы показывая его. А за ее головой зеркально повторяется та же самая скульптурная группа – десятки раз, как бывает, если есть переднее и заднее зеркала в парикмахерской, когда одно и то же изображение воспроизводится до бесконечности. Внизу под панно странным шрифтом написано что-то, где понятна лишь дата по христианскому летосчислению: 1915.

Я резко обернулся. За моей спиной еще один священник подметал внутри нефа. Слышался звук собираемых разбитых стекол. Парвиз тоже оглядывался по сторонам. Потом подошел ко мне и негромко спросил:

– Кто этот парень?

– Ясно, кто! Священник! А ты чего с оружием?

– Откуда это ясно? Может, пятая колонна. Надел церковный наряд, чтобы отвести подозрения.

Я лишь улыбнулся его словам. Интеллект, как говорится, зашкаливает...

– Конечно, в районе боевых действий полно священников, вот он и решил затеряться среди них. Тут разве бал-маскарад?

Бал-маскарад был, пожалуй, единственным местом, помимо церкви, где я мог себе представить человека в такой одежде.

– Смотри! Смотри! В Святую Марию попал осколок!

Он был прав. Прямо против сердца Святой Марии зияла

осколочная пробоина. Знакомая картина. Еще какая знакомая! Само изображение весьма напоминало те полотна, которые вывешиваются в хусейние² нашего квартала во время мохаррама³. Имам Хусейн точно так держит на руках младенца Али Асгара⁴ и показывает его войскам Йазида⁵. Разница лишь в том, что Али Асгар запеленут, а вместо их лиц блестит диск луны.

Я невольно тронул пальцем осколочную дыру. Даже на ощупь чувствовалась свежая грубость пробоины.

— У господ какое-то дело к нам?

Это спросил второй священник. Он был старше первого, с совершенно седой бородой и зелеными глазами, причем белок правого краснел кровавой опухолью. Я протянул ему руку.

— Салам!

Он ответил и повернулся к Парвизу. Тот неловко перехватил автомат левой рукой и подал правую.

— Мы пришли, чтобы выяснить насчет снаряда, там, наверху.

— Пришли обезвредить? Но я уверен, что он взорвался.

— А вы когда изволили приехать?

² *Хусейние* — особое помещение, в котором происходит обряд оплакивания имама Хусейна и иногда устраиваются религиозные мистерии.

³ *Мохаррам* — название первого месяца мусульманского лунного года.

⁴ *Али Асгар* — сын имама Хусейна, зверски убитый воинами Йазида в битве при Кербеле.

⁵ *Йазид* — омейядский халиф Йазид I ибн Муавийа.

– Я и господин Ованес приехали вчера в полдень: хотели заглянуть в церковь. Если получится, попробуем перевезти имущество и книги в Исфахан, в главный собор. Мне кажется, около полуночи был этот взрыв. Мы вон там спали. Истинно, Бог помиловал. А здесь каждую ночь такой ужас?

– А в чем тут ужас?

– Грохот взрывов! Громадные пожары на нефтезаводе! Оставшиеся в этом городе люди поистине терпят муки невыносимые!

Я опустил голову, не ответил. Прошлая ночь была из самых спокойных за всё военное время. Общее количество выстрелов – до того, как я уснул – не превышало 30–32.

– С вашего разрешения, нам нужно осмотреть здание.

Не мешкая, я открыл свою полевую сумку и достал компас, карту и треугольную линейку. Хотя я был уверен, что разрушения от взрыва мины при таком угле падения не могли показать направление выстрела, всё же я кое в чем хотел убедиться.

Первым вопросом был тип снаряда. Я осмотрел пол церкви, уже очищенный и подметенный. У стены я нашел осколок длиной и толщиной с фалангу пальца. Похоже было на мину 120-миллиметрового миномета с дальностью 6 километров.

Парвиз вполголоса пробормотал, так, что слышал лишь я:

– Небось как вчера приехали, так не переставая молились и звонили в колокол, кадилом махали: Отче наш, сущий на

небе! Останови артиллерийский обстрел!

И он подмигнул мне. Отвернувшись, я достал из планшета свою тетрадь для записей и начал ее листать. Палец мой опускался по перечню записанных вчера вражеских выстрелов, ниже и ниже... Было три выстрела из миномета перед левым сектором города... Ориентир 3220 тысячных⁶, расстояние от места наблюдения 6300 м. В столбце «цель» я написал карандашом: церковь или перекресток с часами.

Вероятно, целью обстрела врага был перекресток, на который в некоторые ночи машины с главного проспекта въезжали с включенными фарами, и это очень пугало передовые отряды противника.

– Крупнее этого осколка не находили?

Пожилой священник тут же окликнул более молодого:

– Ованес! Принеси господам большой осколок!

И тот вынес доньшко мины: хвостовик с восьмиперым стабилизатором. Одно из перьев было сильно погнутое. Еще до того, как я взял его из рук Ованеса, я уже понял, что мое предположение было верным.

– 120-миллиметровый советский миномет!

Это Парвиз провозгласил. В каждой бочке он затычка! Впрочем, одного моего взгляда исподлобья ему хватило, чтобы понять: ему пора отправляться к кухонной машине...

⁶ «Тысячные» – единицы, применяемые в артиллерийских и стрелковых угломерных приборах, а также нанесенные на лимбы многих компасов. Следует отметить, что, если счет градусов идет по часовой стрелке, то счет тысячных – против.

– Так, а что вы теперь будете делать?

На этот вопрос священника что мне ответить? Быть может, наше посещение вызвало у них надежду, что мы сможем как-то ответить на подобные осквернения...

– Строго говоря, ничего! До поры до времени.

И я за руку попрощался с каждым из них. Мне показалось, что наш уход их встревожил. Быть может, присутствие двоих людей, знакомых с положением дел в городе, давало им чувство некоторой безопасности. Как бы то ни было, оставаться нам здесь было бесцельной тратой времени...

Глава 2

Шум на кухне стоял такой, что о войне впору забыть. Галдеж дополнялся грохотом перетаскиваемых пищевых баков.

При помощи отца Джавада мы с Парвизом погрузили в фургон котел с рисом. Потом пришла очередь бака с хорешем⁷, в который повара не пожалели картошки и баклажанов. Подняв крышку котла с рисом, я чуть не закачался от вкусного запаха: со вчерашнего вечера ничего не ел. Подумал об Амуре, теперь несущем службу в дивизионном штабе: ночи спал спокойно, а с утра, с полным кейфом, одному себе готовил завтрак. Сейчас наверняка полеживает и ждет меня, чтобы, забрав мотоцикл, поехать в город.

На дне другого котла я заметил пригар плова: подгорелую корочку риса, выглядящую столь аппетитно... Это было выше моих сил. Я глянул на отца Джавада, и он меня понял: половником подцепил большой кусок этой поджарки, с которой капало масло, и протянул мне.

Я поглощал ее, наблюдая за его работой. После того, как погиб его сын Джавад, машину передали Парвизу. До того ребята узнавали, какая будет еда, и, если был шашлык, в нашем штабном отряде вместо двенадцати оказывалось тридцать человек. А в остальные дни – прежнее количество. Отец

⁷ *Хореш* — кушанье из мелко нарезанного мяса, тушенного с овощами в томатном соусе, подаваемое с рисом.

Джавада лишь ухмылялся и накладывал в бак еды на ту численность, которую ему заявляли. Но когда машиной завладел этот злыдень, он количество людей знал точно, и с ним номер не проходил. Более того, уже через несколько дней он начал опаздывать: сначала на полчаса, потом на час, а теперь уже и на два. И порции наши постепенно уменьшались, так что один из парней недавно возмутился: «Постой, уж не продаешь ли ты еду?»

– ...Алло! Нам ехать надо! Ты не заснул?

Парвиз вновь тронул фургон. Повел он его по узкой улице, по сторонам которой из неглубоких арыков вымахал тростник высотой два-три метра, улица же здесь и там завалена была обломками деревянных электрических столбов, битым кирпичом, сучьями деревьев. Растрескавшийся асфальт едва виднелся из-под слоя земли, по которой проложена была машинная колея, и Парвиз – что необычно для него – ехал строго по колее.

– Зачем ты сюда-то заехал?

– Молчи! Я хочу тебе показать тот самый наблюдательный пункт, про который говорил.

– А я согласия не дал. Сказано же!

Что ж, руль машины был в его руках, но словами распоряжался я, и слов у меня для него больше не было!

– Вон оно!

– Где?

– Ослеп, что ли? Высокое здание не видишь?

Я саркастически рассмеялся. Это было хорошо мне известное семиэтажное недостроенное здание. Покрытое копотью, оно действительно возвышалось над окружающими двух-трехэтажными строениями. Со дореволюционных времен оно так и осталось недостроенным, и в первом этаже электросбытовые компании устроили склад своих катушек, кабелей и прочего инвентаря, но попадание реактивного снаряда всё это подожгло, и всё здание в результате взрывов и пожара получило осадку на метр. Когда мы с Амиром делали первые шаги в качестве артиллерийских наблюдателей, мы сразу подумали об этом здании, и Амир его обследовал, а, вернувшись, сказал мне, что лестницы двух первых этажей разрушены, и подниматься наверх или спускаться сложно. Потому естественным путем мы облюбовали другие здания, которые, хотя и были ниже, но находились ближе к берегу реки.

И вот теперь мыслитель и гений кухонной машины счел, что сообщает мне ранее не известное. Мой саркастический смех его разозлил.

Он остановил машину перед семиэтажным строением. Оно не имело дверей, внешней отделки, а кирпичная его кладка была в ужасном состоянии – при всём при этом в нем чувствовалась, по сравнению с окрестными домишками, сила и величие. До пятого этажа даже алюминиевые рамы были на месте, хотя выше уже ни рам, ни окон как таковых не было.

Я охватил всё здание взглядом, потом невольно стал считать этажи... Как в детстве! Дойдя до третьего, остановил себя. В прошлый раз *это* здесь было или нет? В крайнем окне третьего этажа я заметил два горшка с мясистыми кактусами. Интересно, что делают тут кактусы?

– Разве тут кто-то живет?

– Хватит болтать! Останься пока здесь.

И он пошел ко входу, который, как мрачная пещера, темнел между выгоревшими магазинами без дверей и витрин. Я почесал в затылке и остался ждать Парвиза. Интересно то, что я его послушался. А с какой стати?

Просто из чувства противоречия я пошел следом за ним. Но, не успел я отойти от фургона, как он вновь появился, с пищевым бачком в руках и с двадцатилитровым желтым контейнером для воды. Я встал как вкопанный. Он обошел вокруг меня и профессиональным движением, держась лишь одной рукой, запрыгнул в кузов фургона. Снял крышку с котла с рисом. Перво-наперво шумовкой наложил риса в пищевой бачок; потом закрыл котел и угрюмо на меня посмотрел. Взял поварешку. Я не выдержал:

– Кто там наверху? А?

Палец руки, держащей поварешку, он приложил к губам странным жестом «тише»; потом навалил на рис хореша – не пожалел ни подливки, ни мяса. Ловко спрыгнул из кузова.

– Контейнер с водой забыл!

– Завтра его наполнишь, а теперь идем! Бегом, за мной!

Почти произвольно я пошел за ним. Когда с улицы вошли в темноту вестибюля, моим глазам потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть. Закопченные стены и полуразобранная лестница, в которой ступеньки были не цельнокаменные, а кирпичные. Как говорил Амир, всё здание осело на метр. Однако увидел я и деревянную приставную лестницу.

– Миски моет и прямо здесь оставляет. Берешь, накладываешь еду и возвращаешь сюда же. Если у него к тебе какое-то дело, он тебе покричит сверху. Но сейчас мы с тобой пойдем к нему. Только постарайся ему не мешать. Это безобидный социальный клиент.

– Да поясни же, черт побери! О ком ты говоришь?

– Да об инженере!

Следующий вопрос застыл у меня на губах, потому что с площадки третьего этажа на нас внимательно смотрел этот старик.

Парвиз, хотя и держал миски в обеих руках, ловко взобрался туда по приставной лестнице. А вот я полез с неохотой. Опоры лестницы внизу стояли неровно, и она шаталась. Когда я схватился обеими руками за площадку третьего этажа и подтянулся, моим глазам предстал прежде всего большой черно-белый кот, потом я увидел старика, сидящего в кресле, – Парвиз стоял перед ним. Здесь же была и односпальная пружинная кровать темно-серого цвета, с сильно заржавленными металлическими прутьями спинки. Ниша в

стене, когда-то предназначенная то ли просто для красоты, то ли для какой-то мебели, сейчас была заполнена большим количеством книг и журналов, нагроможденных друг на друга. Справа от кровати дымился керосиновый самовар, из носика капала вода, и капли со звоном падали в плошку.

Я уже стоял лицом к лицу с ним. Это был пожилой мужчина с густыми волосами, почти совсем седыми, но не полностью, и, что самое удивительное, лицо его было выбрито идеально чисто. И я невольно коснулся тех волосков, что топорщились на моем подбородке.

– Итак. Кто это?

Голос его звучал властно.

– Господин инженер, это мой друг, социальный работник. Два-три дня, что меня не будет, он вам берется привозить еду.

– Прямо сразу? Без испытательного срока?

– Нет, господин инженер. Надо обязательно сдать экзамен!

– Неужели ты ему уже рассказал?

Парвиз стоял перед креслом этого сумасшедшего падишаха в подобострастной позе и заливался соловьем. От его слов у меня буквально круги шли перед глазами.

«Тупица Парвиз, своему сумасшедшему дружку представил меня социальным работником?!»

В углу комнаты что-то завозилось. Я посмотрел туда. О Аллах! Ошибся я, когда подумал, что здесь одна кошка.

Шесть или семь котов я насчитал теперь вокруг кровати. Между тем Парвиз сказал что-то еще, чего я не расслышал за своими мыслями.

Парвиз потянул меня за руку. Мне ничего не оставалось, как подчиниться ему и подойти к креслу инженера, стоящему возле кровати. Сквозь свой постоянный гул в ушах я расслышал негромкие слова Парвиза:

– Целуй ему руку! Целуй ему руку!

Я невольно улыбнулся. Удивительное представление разыгрывает эта парочка! Подведя меня к креслу, Парвиз выпустил мою руку.

– Итак, ты готов?

– К чему?

Парвиз вмешался:

– Господин инженер! Этот наш друг очень много думает о себе. Всё время вступает в дискуссии с господином Гасемом. Постоянно ночами фонарь жжет, читает книги. Задайте ему вопрос, я посмотрю, хватит ли у него знаний?

– Итак, юноша, я задам тебе главный и основной вопрос по поводу жизни и мира. Хорошенько подумай, прежде чем ответить. Во-первых, сядь!

Рука Парвиза надавила мне на плечо, и я сел, довольно послушно. «А почему я должен садиться? Что это за комедия, в которую я позволил себя втравить?»

– Итак, ты готов?

– Да, он готов. Спрашивайте, господин инженер.

Бессовестный очень искусно разыгрывал свою роль и как точно подстраивался под этого странного человека!

– Итак, что такое *what*?

– Что-что?

– Что такое *what*?

– Вы имеете в виду английское слово “*what*”?

– А почему ты отвечаешь вопросом на вопрос? Отвечай на мой вопрос!

Парвиз оставил меня и с улыбкой снял заварочный чайник с самовара, налил себе чаю.

– Подумай, юноша! Что такое *what*?

– Дорогой и уважаемый! Я ответил вам. Если вы спрашиваете значение английского слова *what*, то оно означает «что?».

– И опять ты ответил в форме вопроса! Двадцать тысяч специалистов в области культуры, в рамках специальной комиссии, восемь дней и восемь ночей не могли найти ответ!

– А я вам дал ответ.

Он согнул свой указательный палец и поднес его к губам. В точности, как несколько минут назад, когда Парвиз пальцем и поварешкой делал мне знак молчать.

– Молчание! Вот этот твой товарищ говорил о глубоких знаниях?

Парвиз залпом выпил полстакана чая. Я, наконец, взял себя в руки и встал. Два сумасшедших, по сути дела, подвергли меня гипнотическому сеансу.

«Этот голубятник изначально остался в городе ради своих голубей, но с тех пор он мог бы стать человеком, однако же не стал. Меня не уважает совершенно. Вот уже несколько месяцев мы с ним вроде как друзья, теперь же выясняется, что настоящий его друг – этот сумасшедший гуру. А я оказываюсь крайним!»

Что-то вдруг ткнулось мне в ногу. Это был пушистый черно-белый кот, он облизывал мой правый ботинок. Парвиз схватил меня за руку.

– Господин инженер, простите его! Опозорился он! Пойдем отсюда, парень!

И Парвиз потащил меня к лестнице. Послышался свист снаряда и взрыв неподалеку, а потом – обычная взрывная волна, похожая на подземный толчок, от которого вздрогнула земля. Инженер продолжал сидеть в кресле, развалясь, и холодно смотрел на нас. Я попрощался с ним кивком, и он ответил мне тем же. Я спустился по деревянной лестнице – Парвиз предшествовал мне. Столкнуть бы его вниз, пусть бы ноги переломал! Мысль о мщении промелькнула в моем сознании, но столь же быстро Парвиз уже оказался на втором этаже, а потом, по другой лестнице, спустился на первый.

Когда мы вышли из здания, я вновь оглянулся на те два кактуса в горшках на третьем этаже. А когда садились в машину, я увидел, что Парвиз улыбается до ушей.

– Кто это был такой?

– О ком ты? Об инженере? Ответ очевиден: он инженер!

– Он такой же инженер, как... Безумец не хуже тебя – откуда он взялся? Почему он обитает в этой развалине? Ответь мне!

– Ага! Смотрю, ты обиделся, что не смог ответить?

– Ни стыда ни совести у тебя! Зачем ты ему сказал, что я «социальный работник»?

– Потому что у вас социальные отношения.

Он уже вел машину. На перекрестке мы увидели свежую воронку. Земля со следами черной сажи, а осколки изуродовали облицовку из зеленого мрамора ближайшего к воронке двухэтажного дома. Видно, что до войны хозяин дома много затратил на его отделку, и вот теперь...

Стабилизатор мины валялся прямо посередине воронки и еще дымился. Шестиперый черного цвета стабилизатор...

– Притормози-ка! По крайней мере хоть воронку зарегистрирую.

Парвиз без всяких споров остановил фургон. Накинув полевую сумку на плечо, я нажал на дверную ручку. Но дверь кабины не открылась.

– Ты что, ослеп?

Парвиз наклонился к моей двери и вытянул фиксирующую замок кнопку. Тогда дверца открылась. Выйдя, я изо всех сил захлопнул ее. Парвиз жестом руки показал возмущение, я и глазом не моргнул. С утра мне не везло. Впервые, сломался мотоцикл, затем поездка с этим светочем мудрости и знаний, наконец, этот безумец с его «что такое

what?» Неясно, «инженер» – это прозвище, которое ему дал Парвиз или кто-то до Парвиза?

Прямо на землю воронки я положил свою полевую сумку и раскрыл ее. Издалека послышался шум машины. Я достал компас и тетрадь для записей. Шум машины усилился. Я сидел на одном колене примерно в такой позе, в которой сидит стрелок, зажмуривший один глаз, а вторым совмещающий мушку с прорезью прицела. Ориентирующий волосок компаса я нацелил на воткнувшийся в землю стабилизатор. Собственное положение тела я выбрал так, как подсказывал опыт и многократно, каждый день повторяющийся вид воронки: так, чтобы на одной линии был мой зрачок, стабилизатор и медиана⁸ воображаемой, близкой к треугольнику дуги, которую я достроил в своем уме. Потом через увеличительное стекло компаса я прочел: 3420 тысячных. Из полевой сумки я достал карту. Парвиз тронул меня за плечо:

– Чего ты там мудришь?

Я поднял голову. Неподалеку остановился окрашенный в маскировочные цвета джип майора. Постоянный водитель майора сидел за рулем, рядом с ним – сам майор в каске с сеткой, с усами, которые порой бывали очень густыми, хотя он их периодически коротко стриг. Я поднял руку. Майор помедлил. Похоже, он всё еще колебался, как ему вести себя

⁸ *Медиана* — отрезок прямой, соединяющей вершину треугольника с серединой противоположной стороны. Все медианы треугольника пересекаются в одной точке, делящей медиану в отношении 2:1 (считая от вершины к основанию).

со мной. Я стоял без движения. После того первого дня, после моей ошибки, он ждал от меня нового подвоха. Он был минимум на тридцать лет старше меня. И именно то, что младший обязан проявлять уважение к старшему, заставило меня не допустить нового охлаждения в наших отношениях.

– Здравствуйте! Я к вашим услугам!

Этой маленькой уступки оказалось достаточно. Майор снял свою каску.

– Здравствуйте, возникло очень важное дело. Сколько я ни пытаюсь связаться с вами по рации, вы не отвечаете.

Я взглянул на Парвиза. Он, прямо как воспитанный, стоял, приложив руку к груди.

– Я должен ехать в штаб. Позже выйдите на связь со мной. Всего вам доброго.

Меня задел командирский тон майора. Он всё еще думает, что мы простые солдаты. Значит, еще раз придется ударить его по больному месту.

– Уважаемый! Если у вас есть ко мне дело, свяжитесь со штабом берегового отряда или с Амиром!

Майор не ожидал такого ответа. Медленно он вновь сел на свое место в джипе, и солдат-водитель тут же тронул машину с места. Черная похожая на кнут антенна джипа закачалась маятником, и джип уехал.

«Ничего не ответил. Ясно, что всё еще не простил мне того первого дня. И к чертям!»

– Что случилось? Уж очень он нахмурился!

Платя той же монетой, что и майор, я не ответил Парвизу. Он тронул свой фургон, начал насвистывать. Тот же мотив, что на посту, в окопах, он свистит ночи напролет. Я подумал о джипе майора. Вот это машина! Как бы мне хотелось иметь такой джип, выкрашенный леопардовыми маскировочными пятнами! С этой антенной, с этим дополнительным бензобаком, с лопатой и топором возле водительского места. В реальности же у меня сейчас не было даже моего жалкого мотоцикла!

Тут Парвиз начал поворачивать руль, но я обеими руками помешал ему это сделать. Он затормозил.

– Что с тобой?

– Не сворачивай! Зачем туда поехал?

– Там еще один частный клиент. Черт побери! Ты мне дашь нашу работу делать или нет?

Я заколебался. С детства, с тех пор, как я узнал, что есть в городе *такой* квартал, я не только от самого этого квартала, я даже от окрестных улиц шарахался. И хотя после революции ликвидировали и большие стальные ворота, и весь этот закрытый район, а женщин увезли, – всё равно ни разу я сюда не зашел.

А Парвиз въехал прямо в этот квартал. Здесь рядами выстроились маленькие старые домики, не имеющие никакой особенной формы. Казалось, и строились-то эти домики, как и весь район, лишь для мгновений нездорового наслаждения. Никакие стандарты не соблюдались, разве что все дома

имели четыре стены и большие окна. И мужчины, входившие в этот район, недолго продолжали в нем свой путь: несколько шагов в одном из тупичков, выбрать, в какой дом свернуть, а потом...

Я закрыл глаза и непроизвольно притронулся к своей правой ноге. Почему, хотя столько лет прошло, я всё помню то место на ноге, по которому пришелся удар дубинки сторожа? Я всё еще переживал те неприятные чувства, тот летний полдень, когда это случилось...

Дело было в парке, я шел, погрузившись в чтение книги, а несколько ребят моего возраста рвали цветы и сетью ловили красных рыбок в бассейне. И вот вопль, крик, топот ног удирающих мальчишек. Я поднял голову. Приближался сторож парка. Его свирепые глаза так напугали меня, что я, не рассуждая, тоже бросился бежать. Мальчишки впереди, я за ними. Они бежали быстро и легко, а я, с книгами под мышкой, еле-еле. Они ловко перемахнули через ограду парка, а когда я полез следом, книги упали на землю. Я не то что услышал, а всем существом своим почувствовал глухой стук книг о дорожку парка. Остановился, обернулся. Эти книги я нес в школу. Сторож уже был в нескольких метрах от меня, книги между ним и мною. Я бросился всем телом, словно нырнул, на книги, но нога сторожа уже топтала их...

– Эй! Социальный работник!

Деревянная дверь одного из домов приоткрылась, и оттуда кто-то отдает Парвизу две пустые миски. Затем из той же

двери показалась непокрытая женская голова. Я открыл рот от изумления. Впрочем, женская голова быстро исчезла. Судя по волосам с проседью, женщине было лет сорок пять – пятьдесят. А может быть, я ошибся, и это был длинноволосый мужчина? Я вышел из фургона. Парвиз там, в кузове, накладывал еду в две миски. Я спросил его:

– Это была женщина?

Он не ответил. Закончив с мисками, он развернул красную пластиковую пленку, в которой лежал хлеб, и достал три лепешки. Положил их сверху на миски – от отсутствия воздуха внутри пленки этот хлеб почти превратился снова в тесто.

– Я спрашиваю, женщина это?

Он посмотрел на меня искоса, всё еще медля с ответом. Так никогда я и не мог запомнить и различить, который глаз у него искусственный, а который настоящий.

– Нет, лягушка! Естественно, женщина.

Значит, я не ошибся. Но что делает женщина в этом квартале? В осажденном городе? Мои мозговые клетки начали напряженно работать.

«Наверное, вне этого города у нее нет родных и близких. Но почему при таком количестве пустых домов в городе она поселилась именно здесь? В этом бесстыжем квартале?»

С детства я чувствовал, что всё в этом квартале, все его дома как бы покрыты налетом разврата и подлости.

Парвиз, с мисками в руках, соскочил из кузова на землю.

Миски были небольшими, и нельзя было сказать, что в них – пищи на двоих. Значит, женщина живет здесь одна. Вот ее руки высовываются из-за двери и забирают миски.

– Вечером ужин вот этот мой друг привезет. На ужин котлеты, для них миски не нужны.

Дверь захлопнулась, и Парвиз посмотрел на меня со своей обычной скрытой улыбкой. Я ему ничего не сказал. Лучше не затевать с ним спор, а выждать. Всё равно всё решится в штабе берегового отряда, и я уже сейчас предвкушал, как получу мотоцикл, а вместе с ним – спасение от Парвиза, кухонной машины и частных клиентов... И я даже улыбнулся сейчас, представив, как я сажусь на мотоцикл – и адью!

– Опять в раздумьях? Тебе немного осталось до этих клиентов: глядишь, скоро мне и тебя придется кормить!

– Едем в штаб дивизии!

– А как насчет еды ребятам?

– Ты с самого утра разъезжал непонятно где, о них не думал. А теперь вспомнил? Поедем, узнаем, чего хочет майор.

– Ладно, поехали. Но на пять минут, не больше. Не приведи Господь, если увидишь чай и захочешь с ними почаяевичать! По-быстрому, иного я не допущу!

Между тем уже некоторое время у меня крутился вопрос в голове. Причем явно Парвиз был единственным, кто на него мог ответить. Быть может, одним из главных различий между мной и им было то, что он как бы принимал людей в том состоянии, в котором они находились, и для него не важно

было ни их будущее, ни прошлое. А я – совершенно наоборот – всегда имел проблемы от невероятного любопытства.

– Почему же они в мечети-то не получают питание?!

Глава 3

Я взглянул на небо. Если пойдет дождь, пожар на нефтеперегонном заводе может пойти на убыль.

– Почему же они в мечети-то не получают питание?

– Здравствуйте! Опять за свое. На три-четыре дня позаботиться об этих несчастных, а столько вопросов? Вместо этой болтовни лучше запомни хорошенько: завтра день мороженого! Мороженого!

Он резко повернул руль, трогая с места машину. Мне нужно было продолжать молчать, чтобы реальный ответ на все свои сегодняшние фокусы он получил в штабе отряда. Вот тогда я освобожусь от господина Парвиза и займусь своей работой, а он останется со своими бачками и поварешками.

Я окинул взглядом этот квартал разврата. Скорее бы уж фургон выехал отсюда прочь, чтобы нигде, даже на донышке души, не осталось ничего от вынужденного визита в этот район...

Вот и конец квартала. Металлические столбы ворот еще стоят на месте, а сами ворота после революции сорвали с петель и убрали прочь. Но, несмотря на следы осколков, крупных и мелких, несмотря на работу времени, всё еще был различим прежний густо-синий цвет этих стен и столбов. Именно тут сидели сторожа и порой почтительно вставляли перед знакомыми им богатыми посетителями, однако в душе зло-

радно улыбались: столько внешнего благообразия, а на деле – рабство у полового греха; человек входит, прямой и гордый, ступая с силой, а после судорожного рывка часовой стрелки выходит согбенный, двигаясь медленно...

А вот следы от вывески, очень большой, показывавшей часы работы квартала. Цифры были настолько крупными, что я не раз видел их издалека, после того зловещего знакомства со сторожем в школьные годы; они были видны всем прохожим и проезжим и помнились мне до сих пор:

7-00 – 14-00

16-00 – 22-00

Семь утра, то есть время второго фабричного гудка, по которому рабочие нефтезавода начинали трудиться. А днем у женщин был лишь двухчасовой перерыв...

Что они делали в эти два часа? Наверняка они обедали. Что ж, полчаса на обед. Что потом? Еще полтора часа отдыхали до прихода клиентов? Или думали о своих возлюбленных, которые обманули их? Думали о своих подрастающих или неродившихся детях? Совершали омовение, расстилали молитвенный коврик здесь же, рядом с грязным матрасом? Надев белый платок с цветочками и склонившись в молитве, лили слезы, и слезы, и слезы... И так до 16.00, когда вновь стальные ворота со скрежетом отворялись, и звенел колокол начала второй смены, и вновь сторож принимался за свою работу...

А, может быть, этот сторож всего лишь нес караульную

службу, как я сейчас?

...Свиста снаряда я не слышал. Ворота квартала исчезли в белом дыму, и ветровое стекло превратилось в танцующие осколки, и одновременно страшный и неожиданный удар взрыва...

Я бросился на пол кабины и в этот миг почувствовал на лице фонтан горячей жидкости, а также давление тела, в котором, хотя глаза мои были плотно закрыты, я сразу узнал тело Парвиза – по тому, с какой стороны оно навалилось; и машина резко дернулась, отчего я еще больше скрючился. Невыносимый звон наполнил оба мои уха. Но этот звон был вовсе не важен. Мне следовало как-то уменьшить давление на меня Парвизова тела. Но что-то мешало это сделать. Я высвободил руки и отжимал его корпус. Он даже не шелохнулся.

– Парвиз!... Парвиз, ответь!

Он не отвечал. В глазах у меня было темно. Тыльной стороной ладони я начал прочищать глаза: они, как и всё лицо, были залиты кровью. Теперь и руки были в крови. Тело Парвиза заклинило между рулем и моим телом. Из всех сил я пытался как-то перевернуться. Но мешало тело Парвиза, как бы многократно увеличившее свой вес. Я вытягивал руки, пытаюсь ухватиться за что-нибудь внутри машины. Нужно было как-то вывернуться...

Спокойно, медленно я выполз из-под Парвиза. И тут же повернулся к нему – обследовать. На его лице и голове не

видно было ранений. Я ощупал его тело. Под нижним левым ребром было горячо от крови. Осколок вошел в его левый бок и, пройдя под ребрами, вышел справа; из этой раны с правой стороны его тела и лилась на меня его кровь, заставив меня ошибочно думать, что я сам ранен.

Глаза его были неподвижны, голова болталась на шее. Вдруг я увидел его зубы и белую пену, похожую на сливочное мороженое, покрывавшую его губы. Зубы его были стиснуты. Дыхание! Он не дышал! Из всех сил я сунул пальцы за его щеки и нажал. С огромным усилием разъединил его верхнюю и нижнюю челюсти. Погрузив пальцы в эту белую пену, я не давал челюстям сомкнуться. Его передние зубы впились в мои суставы, и их давление росло с каждой секундой. В то же время я ощутил на пальцах его горячее дыхание. Значит, он был жив!

Теперь нужно было остановить кровотечение. Но как? Я оглянулся по сторонам. Бесполезная надежда! Помощи ждать было не от кого. Каждый день с неба сыпались десятки больших и малых снарядов, и считанные оставшиеся в городе жители даже не оборачивались, чтобы посмотреть: что там уничтожено новым взрывом? Надеяться нужно было лишь на себя. Но как одновременно разжимать зубы и останавливать кровь?

Пришла в голову мысль. Из нагрудного кармана я достал свое удостоверение бойца сил самообороны – из толстого картона в пластике. Собственными зубами я сложил его в

гармошку и сунул меж зубов Парвиза вместо своих пальцев. Теперь оставалось кровотечение.

Ударом ноги я открыл дверцу и спрыгнул. Земля и пыль взрыва уже осели, покрыв ровным слоем фургон и окружающее его пространство. Обойдя фургон спереди, я взялся за ручку водительской двери. Потянул эту дефектную дверцу обеими руками, и, на счастье, она открылась сразу, хотя и с обычным своим скрежетом. Подхватив Парвиза под мышки, я потащил его в кузов.

Нужно было поднять и уложить его там. Какой же он тяжеленный! Я затащил его на пол кузова головой к кабине. Прямо на полотняную скатерть, закрывавшую хлеб. Тут же я подумал о том, что хлеб будет залит кровью, и поскорее вытащил хлеб и скатерть из-под него. Да! Всё было в крови. Я бросил этот окровавленный сверток на бак с хорешем.

– Убит?... Помощь нужна?

Голос был хриплым. Я обернулся. Неподалеку стояла женщина, возможно, та же самая!

– Жив! Но нужен кусок ткани: простыня, что-то, чем обвязать его живот...

Она подошла ближе и заглянула в кузов, словно хотела проверить мои слова. Потом опять отступила и быстрым движением сорвала с головы свой арабский платок. И лавина черных с проседью волос хлынула на ее плечи! Я застыл на месте.

– Бери! Разве ты не просил кусок ткани?

Я поскорее подхватил платок из ее рук. С ее точки зрения это был доступнейший кусок материи, который самым быстрым образом мог быть пущен в дело. Я затащил узлом платок на ране Парвиза. Спрыгнул из кузова и сел за руль. Включил зажигание. Машина дернулась вперед и встала!

На передаче?! Во время взрыва была включена скорость. Ставя ее на нейтральную, я подумал о других осколках, которые могли попасть не только в двери и окна фургона, но и в радиатор, и в двигатель. «А если осколок, пробив радиатор, вывел из строя систему охлаждения? А то и систему подачи масла, да и бензина?..»

Как только машина завелась, она въехала на тротуар, потом съехала с него. Нужно было срочно покинуть этот проклятый квартал...

В полуразбитом зеркале заднего вида мелькнул уменьшающийся силуэт женщины без платка, стоящей, подбоченясь. С каждой секундой она делалась дальше от меня, от Парвиза и от фургона. Удивительный день!

...Таким вот образом из наблюдателя и охотника за вражескими орудиями я превратился в водителя кухонной машины, оставшейся без ее прежнего хозяина...

Глава 4

Когда я вновь сел за руль, мне вспомнились последние слова Парвиза:

– Три-четыре дня позаботиться о них! Завтра день мороженого. Мороженого!

Я тяжело вздохнул. Невероятный день! К новому положению дел еще привыкать...

Повышение в должности: был наблюдателем за пушками и минометами, а стал... Я хлопнул по рулю ладонью.

«А если бы сегодня утром я не сел в этот фургон? Если бы я вообще не стал разговаривать с этим упрямым, который сейчас лежит на реанимационной койке под капельницей, если бы я не поверил его сладким посулам?..»

Но дело было сделано, и смена обязанностей произошла. Водитель кухонной машины! Мне страшно было даже представить реакцию Асадоллы, длиннобородого минометчика, когда он увидит, как один из его наблюдателей орудует поварешкой на раздаче пищи. Когда после этого я вернусь на наблюдательный пункт и, как обычно, отдам команду: «Внимание! Прицел правее сто, меньше двадцать, как поняли?» – Асадолла обязательно расхохочется и ответит: «Иди-ка лучше своим делом займись, поваренок! Что на обед сегодня? Котлеты из баклажанов?»

Нет, это невыносимо. Любым способом нужно было изба-

виться от этого фургона! Кстати...

«Почему я раньше об этом не подумал? Ведь есть же отец Джавада, да помилует его Аллах! Вот он-то и может...»

Я должен буду поговорить с ним и со всем смирением упросить вновь сесть за руль фургона. Да, после неожиданной гибели его сына он отказался от этой работы, и всё же...

Ситуация как-то должна быть исправлена. А завтра я уже получу из ремонта свой мотоцикл...

«Провалились бы эти социальные клиенты! Инженер-кошатник вполне может получать, как люди, еду в мечети. До половины нашего солдатского пайка уходит на этих людей. Или взять эту сумасшедшую: я ей сказал, нужен кусок материи, а она тут же сорвала платок с головы, словно лишь предлога ждала. Но Парвиз – негодяй... Поделом ему, что вместо отпуска он получил три больших осколка, теперь на мозги мне не будет давить. Бог услышал мои молитвы...»

Я ехал в сторону штаба. Нужно накормить ребят. Но как быть со штабом дивизии?..

Я остановил фургон на улице позади здания главного городского банка, теперь занятого штабом дивизии. Улицу перегораживали мусорные баки, полные отходов: вот уже много дней солдаты не вывозили их. Две линялые собаки вяло рылись в мусоре. Когда я остановил машину, большая черная собака в испуге бросилась бежать, а собака поменьше, серого окраса, лишь вынула голову из пакета с мусором и посмотрела на меня. Я вышел из фургона и, как прикован-

ный, уставился в ее глаза. Но она не реагировала и продолжала смотреть на меня. Я аж глаза вылупил: очень хотелось ее напугать. Но она – ни в какую! У меня сейчас было важное дело, а иначе, в обычных обстоятельствах, я, может, полчаса бы потратил на эту игру, но добился бы своего.

Полуденное солнце полностью завладело асфальтом улицы и всей округой. Я замахнулся на собаку, а она опять не шелохнулась. Вообще никакой реакции. Уже пройдя мимо, я резко повернулся в ее сторону. И опять никакого эффекта! Словно вообще меня не видит...

В будке стоял караульный солдат в каске и с винтовкой со штыком. Караульная будка вся, за исключением дверцы входа, была обложена мешками с песком. Эти мешки могли только остановить осколки, прилетающие издали, но взрыв даже легкой мины в нескольких метрах снес бы и будку, и солдата, и впечатал бы их в стену банка...

Часовой меня не остановил – это было необычно. Он проводил меня взглядом, когда я вошел внутрь. На всех стенах всё еще висела банковская реклама:

«Открыв туристический счет, вы всегда имеете деньги в кармане!»

«Счастье – это дальновидность, а будущее – в кредитах под залог вклада!»

Я вошел внутрь. Вот конторка банка, за ней рабочие столы составлены вместе, и на них разложена большая карта. Карта закрыта толстым стеклом, под которым видны магиче-

ские пятна и полосы: наши позиции обозначены синим, вражеские – красным. Даже издали я увидел разрыв в красном поле, небольшой синий овал, который есть не что иное, как наш окруженный город!

Над столами склонились офицеры, среди них – майор. А еще один развалился свободно и держит двумя руками чашку с дымящимся чаем. У одного офицера на погонах блестящие две массивные звезды; такая же, но одна, была на каждом погоне майора. После того первого столкновения, очень обидевшего майора, я прилагал все усилия к тому, чтобы не обратиться к офицеру, назвав его по званию ниже того, которое он реально имеет. При этом я помнил, что чем больше звезд, тем – наверняка – выше звание.

Я медленно наполнил грудь воздухом и перевел дух.
– Господин майор!

Все посмотрели на меня, и в их взглядах выразилось изумление. Майор с озабоченным видом что-то указал им на карте и пошел ко мне, обогнув конторку в передней части комнаты. Немного поколебавшись, предложил мне сесть на один из металлических стульев для посетителей.

Мы сели друг против друга, и я взглянул ему в глаза. А он в мои глаза вовсе не смотрел. Проследив за его взглядом, я понял причину его замешательства. Вся моя одежда была в высохшей крови Парвиза. Я должен был объясниться:

– Тот самый водитель кухонного фургона... Он был ранен после вашего отъезда.

– Видно, что много крови из него вытекло. Больших проблем у него не возникло, иншалла?

Я хотел сказать: «Нет, кроме того, что его внутренности разорваны в клочья, и ему влили два пакета крови, и четыре дренажные трубки торчат из живота...»

– Нет, врач говорит, что, вообще-то...

– Господин майор Фахими!

Его позвали из-за конторки. Тот самый офицер, у которого на одну звезду было больше!

– Простите, пожалуйста! – майор торопливо поднялся и отошел.

Я стал смотреть на люминесцентные лампы, питаемые мощным генератором и ярко освещающие весь зал, потом подумал о ребятах, всё еще голодных, ожидающих фургон Парвиза. И каждый миг беседы майора с тем офицером всё увеличивал мое напряжение.

«Заканчивайте, уважаемый! У вас был разговор со мной. И вот он вклинивается, и вы начинаете говорить с ним! Вернись же сюда, уважаемый!»

Я невольно правой ногой толкнул ножку столика передо мной.

Майор вернулся и сел напротив меня.

– Лучше перейдем к сути дела. Дорогой! За несколько прошедших дней вы заметили что-то необычное или странное на том берегу реки, в секторе, где ведете наблюдение?

– Что, например?

Он молчал, и молчание его длилось. Мне стало любопытно. На той стороне реки, что там было? Пальмовые рощи на глубину три километра, в которых маскировались минометы; шоссейная дорога из Фао в Басру; однообразие пустыни, тут и там нарушаемое земляными укреплениями, в которых спрятаны орудия... Всю эту информацию насчет земляных защитных сооружений мы уже два месяца регулярно передаем уважаемому господину майору, бесплатно и безвозмездно, на рабочих калках... И что нового мы должны были увидеть?

– Так значит...

И опять он медлил. Я пожал плечами в знак непонимания. Он решил пояснить свой вопрос:

– Два дня назад было обстреляно наше орудие!

– Ну что ж, постоянно наши орудия обстреливаются артиллерией врага. В этом нет ничего нового.

– Я понимаю вас. Но в этот раз возник куда более серьезный вопрос, чем раньше. Два дня назад, рано утром, мы выпустили первый снаряд по их батарее. Не прошло и одной минуты, как прилетел ответный вражеский снаряд, прямо в то укрепление, из которого был сделан наш выстрел. Нам повезло в том смысле, что в этот момент солдаты-артиллеристы вышли из капонира за новыми снарядами. После этого я сам отдал приказ прекратить огонь. Однако вчера в полдень, после первого же выстрела... Угадайте, что случилось?

– Они открыли ответный огонь по батарее!

– Не по батарее! А ответный снаряд взорвался на бруствере перед тем самым орудием, которое стреляло. Солдат из артиллерийской прислуги был тяжело ранен, и неизвестно, выживет ли.

Дело принимало необычный оборот. Каждая наша батарея имела как минимум шесть орудий, размещенных внутри земляного укрепления на разных расстояниях друг от друга и нацеленных в разные стороны. В предыдущих случаях ответный огонь врага поражал, грубо, район всей батареи, пальмовую рощу, иногда соседние глинобитные домики. Но сейчас майор вел речь об удивительной точности в наведении вражеского ответного огня, в обнаружении цели.

– Может, по вспышкам засекли во время ночной стрельбы, или агентура сработала!

– Меньше недели, как мы передислоцировались на новые позиции. Ночью еще не стреляли, так что по вспышкам враг никак не мог засечь нас. Что касается вражеских агентов... Вы, наверное, меня не поняли. Я сказал, что их огонь поразил то самое орудие, которое по ним выстрелило.

Я был ошеломлен услышанным.

«В чем же состояла моя работа в это время? Что я должен был заметить и не заметил?»

Он вновь поднялся с места и подошел к конторке. Указал одному из офицеров на стол позади карты и что-то коротко произнес, чего я не расслышал. Офицер подал ему письмо, и майор, возвращаясь ко мне, просматривал его. По красной

печати наверху бланка я понял, что письмо секретное. Он сел напротив меня. Да, письмо было с грифом «Совершенно секретно»!

– Будьте добры, прочтите!

Я удивленно протянул руку. Впервые на моей памяти армейский офицер давал бойцу сил самообороны секретный военный документ. Я взял письмо. Вверху, как это принято, провозглашалось имя Аллаха, а ниже стояло: «Главный штаб Группы войск “Юг”», тут же – эмблема сухопутных войск.

Текст письма был таков:

«Согласно полученным разведывательным данным, противник на нашем театре военных действий ввел в бой радарную установку «Цимбелин» французского производства. В этой связи предписывается в срочном порядке собрать и передать в Главный штаб любую информацию, касающуюся указанного радара, для принятия мер по уничтожению его силами авиации».

Я поднял глаза от текста. Интересно, какое отношение этот радар имеет к артиллерии? Письмо продолжалось так:

«Характеристики радарной установки «Цимбелин».
Согласно имеющимся сведениям, этот радар является наиболее технически совершенным средством обнаружения артиллерийских орудий, минометов и ракет среднего радиуса действия, причем погрешность в его работе не превышает +/- 5 метров. От радара сведения передаются на линию огня противника, и наши орудия подвергаются прицельному

подавлению. К сожалению, нет никаких фотографий установки, неизвестны также ее габариты. Косвенная информация указывает, что способ работы радара основан на обнаружении орудийных стволов в процессе их работы. Другими словами, радарная установка после нашего выстрела засекает движение снаряда, математическим методом вычисляет его траекторию и в точности определяет место, откуда был сделан выстрел.

Заключение:

Предписывается предпринять следующие меры:

Наблюдателям передового базирования установить местонахождение указанного радара.

Командирам артиллерийских подразделений после попадания под точный ответный огонь противника немедленно менять местоположение всей батареи».

Письмо было скреплено печатью и подписью Командующего Группы войск «Юг», а копии расписаны получателям, обозначенным лишь номерами.

Значит, я и Амир должны приклеиться к окулярам биноклей и выискивать радар. Но оставался важный вопрос...

– Господин майор! Поскольку нам неизвестны ни внешний вид, ни силуэт радара, ни его габариты, например, похож ли он на корабельный радар, который крутится над головой, или скорее на тарелку противовоздушных сил, а может, на что-то другое... Каким образом мы его найдем? Допустим, мы его даже видим, и он не замаскирован. На нем ведь не

будет написано: «Дорогой наблюдатель! Это радар «Цимбелин»!»

– Что ж, наша работа по меньшей мере столь же трудна, как ваша, – ответил майор. – Следует менять положение всех орудий, согласно приказу. А после того, как найдут новое место и сделают окопы и насыпи капониров, после первого же выстрела радар их обнаружит. В любом случае...

– Хорошо. Согласен. Я передам ребятам...

– А куда вы так торопитесь? – спросил майор. – Я просил принести вам чаю.

– Нет, лучше мне поскорее ехать и начинать искать радар.

Ни в коем случае майор не должен был догадаться, что я сегодня кухонный работник и спешу надеть засаленный передник, чтобы поварешкой отмерять в миски бойцов баклажанный хореш.

Он подал мне руку. Я отковырял на прощанье. Офицеры были заняты разговором над картой. Опять я прошел через вестибюль и двор и, не взглянув на часового в будке, зашагал по улице. Моя окровавленная одежда наверняка всех, кто меня видел, повергала в шок.

Я миновал полные мусора баки. Собака всё еще была здесь. Но теперь она разлеглась в тени баков.

А возле колеса фургона я увидел скатерть, в которую был завернут хлеб! Она была раскрыта, и хлеб вытащен. Всё было ясно. Хлеб-то был в крови Парвиза!

Я поскорее вернул скатерть и хлеб в кузов. По крайней

мере четыре лепешки были в красных пятнах крови. Хотя вся моя одежда была окровавлена, я все-таки старался руками не трогать эти пятна на лаваше. Эти лепешки я отделил от остальных и бросил их в мусорный бак. Они перевернулись в воздухе и, ударившись о край бака, упали на асфальт.

Собака пепельного цвета неспешно поднялась и, хромая, подошла к лепешкам. Ее правая лапа была покалечена, а на морде виднелась рана от осколка. Обнюхав лепешки, она начала с них слизывать кровь. Я содрогнулся, нужно было уезжать отсюда. Лучше бы я эти лепешки в реку кинул. Там, правда, они бы достались акулам...

Нужно было думать об обеих моих задачах. Доставить еду бойцам и начать искать радар. Первое мне делать не хотелось, но, раз уж так выпало, один раз сделаю. Второе – дуэль с артиллерией врага – меня очень привлекало, хотя я понимал, что шансы обнаружить то, внешний вид чего неизвестен, близки к нулю.

Я завел двигатель, тронулся и вскоре газанул, пригнув голову внутри кабины, чтобы так миновать зону риска. А риск для меня был в том, что майор и другие офицеры могли увидеть меня за рулем кухонного фургона.

«Помоги Бог расхлебать ту кашу, которую ты заварил, Парвиз!»

Глава 5

Амир спросил с тревогой:

– А что сделал Гасем?

– Гасем еще издали увидел, что в фургоне выбиты стекла и я за рулем, и сразу понял: что-то случилось. Он отправил Казема в госпиталь, на всякий случай. Ты давай, ешь! Мы с тобой по очереди будем дежурить – радар искать.

Амир едва притронулся к еде. Когда у нас кого-то ранило, ребята всегда так вели себя: по полчаса не могли есть. Словно это была наша вина, что вражеская артиллерия по-прежнему громила город. С Амиром у нас было полное взаимопонимание. По сравнению со мной он – толстяк, но по нефтекомбинату лазал всегда с большой ловкостью. Работали мы с ним посменно: ночь – он, ночь – я; кто-то из нас каждую ночь дежурил на берегу, засекая по вспышкам вражеские орудия.

– А с фургоном что будешь делать?

– Ничего! Хочу просить отца Джавада. Может, он примет фургон.

– Но ты же знаешь, что он не согласится, раз уж ушел с него.

Я развел руками.

«Друзья нас утешают, поистине...»

Амир, конечно, расстроился, что мотоцикл сломан. Сего-

дня была его очередь дежурить на берегу и засекать выстрелы, и без мотоцикла ему придется идти туда пешком. Если только он не поедет на чудо-машине Парвиза!

– Значит, майор не сказал, как он выглядит? Хотя бы предположительно... А так ищи что хочешь: там, за рекой, в пальмовых рощах, в тростниках что-нибудь да найдется.

– Этот господин майор, военная косточка, он этак по-офицерски команды дает. Но ты не расстраивайся: будем искать. Найдется так найдется. А нет – так мы документы с красной печатью не подписывали, пусть берут с нас объяснения.

Однако Амир, как всегда, оказался рассудительнее меня и подметил то, на что я во всей этой суматохе не обратил внимания.

Он со злостью заявил:

– Найдется так найдется? Ты как будто не понимаешь. Они нас обстреливают с того берега – снаряды, ракеты... Сколько мы труда положили, чтобы их засекать и давать им ответ – хоть из старых наших пушчонок...

– Правильно, и что дальше?

– Как «что дальше»? Они ведь привезли радар, который совершенно безошибочно находит каждое наше орудие после выстрела. И вот они стреляют, а для нас дать ответ – значит подвергнуть разгрому свои орудия и смерти – своих бойцов. Как же в таких условиях, под таким огнем – вообще защищать город?

Амир был прав. Раз уж майор, со всей своей военной фа-

наберией, взял себя в руки и отбросил все обиды и надменность, — значит, положение и впрямь серьезно.

— Ты меня прямо ошеломил, — продолжал Амир. — Пока орудие не выстрелит, радар не может его засечь. Так я понял? Удивительное дело. Это всё напоминает лягушку.

— Лягушку?

— Ну да.

— А при чем тут лягушка? — спросил я. — Какая связь?

— Связь есть. Я давно когда-то читал, что у лягушки двумерное зрение. У человека трехмерное, то есть он видит предмет реальнее. А лягушка нет. Вот, например, муха, вроде бы, ее пища, но если муха сидит неподвижно прямо перед глазами лягушки, та ее не заметит. Она часами может сидеть, а лягушка умирает с голода, но на муху не посягнет. Но если муха хоть немножко пошевелится, та ее мгновенно проглотит!

— Господин специалист по лягушкам! Значит, мы теперь — та муха, которая, чуть пошевелится — станет лакомым кусочком? Дай-ка я лучше переоденусь. С утра столько всего было — словно сто лет прошло...

Я начал расстегивать гимнастерку, а Амир ушел к кухонному фургону.

Я снял гимнастерку и исподнюю рубаху, и открылась зеленая нашивка, которую мать пришила мне на рукав. Очень хотелось совершить омовение, но на этом наблюдательном пункте воды было в обрез, только на самые крайние нужды.

Следовательно, придется ждать до вечера, когда поеду к реке.

Я очень устал. И оставался непрочитанным дневной намаз и вечерний – это притом, что пропустил утренний! Что ж, свяжись с таким человеком, как голубятник-Парвиз, – еще не то получишь...

«Хоть бы отец Джавада дал согласие! Если не даст, сколько еще дней мне ездить на этом драндулете?»

Ребятам берегового отряда я объявил: «Кто займет место раненого товарища и станет возить еду, тот совершит доброе дело». Но они лишь улыбались в ответ, дескать, «а сам-то ты – что?» В результате всех эти волнений я даже забыл, как правильно совершать омовение: сначала лить воду на левую руку или на правую?

...Сначала у меня от лица отняли правую руку. Но я не проснулся. Потом осторожно стали меня дергать за ноги. Всё это перед вечерним закатом, перед тем, как я отвез Амира в береговой отряд... А он, выходя из фургона, еще раз напутствовал меня:

– Обязательно заскочи к Асадолле! Введи его в курс дела! Скажи, что, пока это всё разъяснится, мы не запрашиваем огонь! Ну, до свиданья!

И он начал работать с рацией, которая удобно висела у него на поясе. Загорелся огонек ее батареи. Убедившись, что рация работает, он пошел на позиции берегового отряда. Ему предстояло бодрствовать до утра: залечь на крыше и не

отрывать глаз от того берега. А я спокойно иду до утра под теплое одеяло... Но что делать с фургоном? Отец Джавада...

Отец Джавада выслушал меня молча, опустив голову. Он был всегда спокоен. Даже в тот день, когда мы принесли ему весть о гибели его единственного сына... Когда мы вышли на кухню, он и его товарищи, отвернув лица от обжигающего пара, перетаскивали большой котел с пищей на специальную подставку. Он обернулся и увидел нас на пороге кухни...

Мы с Гасемом стояли, опустив головы. Ничего не говорили. И он ничего не сказал. Только опустился на пол. Ясно было, что он давно ждал того момента, когда придут двое и сообщат ему, что его сын стал шахидом.

Отца Джавада подняли с пола. Гасем взял его под руку и говорил на ухо что-то, чего я не слышал. Раздался лишь громкий возглас отца Джавада: «Мы все от Него и к Нему вернемся!» И мы все пошли к нему домой, чтобы сообщить эту новость матери Джавада...

– Согласен! Только вот надо бы...

Итак, он сказал «согласен». Замечательно! От части наследия Парвиза я освободился!

– Только вот я мать Джавада отправил... проведать дочку. Завтра я должен встретить ее на пристани, но я не знаю точно, с которым катером она вернется. Может, два-три дня ждать придется.

Итак, вопрос был решен, но и не был. Хаджи сказал «согласен», но несколько дней придется ждать. Моя репутация

была явно под угрозой.

«Достаточно майору раз увидеть меня из его шикарного джипа в этом фургоне или в фартуке и с поварешкой...»

– А ты к матери Джавада совсем не заходишь! Перед отъездом она мне жаловалась на тебя. Я уж ей объяснил: у ребят тысяча забот. А как время появляется, заходят, навещают ее...

Я так был рассержен, что, забыв о вежливости, ничего не ответил ему.

– Когда же вы, иншалла, вернетесь, точно?

Рассмеявшись, отец Джавада стукнул меня по плечу:

– Когда, точно не скажу, но вернусь обязательно! Будь уверен!

Я прекрасно знал, что не только я, но и все ожидают от него, что он вновь возьмет на себя пищевой фургон, и все-таки он откладывал это. Грустно мне отчего-то стало. Я холодно попрощался с ним.

«Всё у тебя, парень, не по-человечески! Тебе что, весь род людской задолжал? У тебя есть твои трудности, но при чем тут этот старик?»

Я оглянулся. Отец Джавада из шланга смывал со скамейки кровь от мясных туш, еще один старик тряпкой оттирал засохшую кровь. Другие работники относили к фургону посуду. В меню были котлеты с солеными огурцами – всё это заворачивалось в лепешки лаваша. Точно как говорил женщине Парвиз: «На ужин котлеты будут, миски им не нужны!»

– Е... ду до... ста... вил?

– Успокойся! Мы решили вначале заехать тебя проведать!

Парвиз лежал на кровати. Трубки с чем-то желтым тянулись к его животу, и там, где они касались простыни, она была слегка запачкана кровью. Над койкой была укреплена табличка: «Есть и пить запрещено». Его внутренности получили несколько разрывов, и сестра отделения сказала мне: «До утра обязательно доставим его на «большую землю» – вертолетом». Одно упоминание вертолета говорило о тяжести его раны.

Этот маленький вертолетик каждый день с сотней хитростей добирался к нам по-над морем и вывозил лишь самых тяжелых раненых. Летать ему приходилось невероятно низко, чтобы не сбили.

В отделении госпиталя было больше тридцати коек, составленных едва ли не впритык одна к другой. Даже сестры пробирались между ними с трудом.

В каждой руке Парвиза стояло по капельнице: одна с прозрачной жидкостью, другая – с кровью. Улучив момент, я прочитал на пакете группу крови: В+. Такая же, как у меня, – вот совпадение!

– Ну вот тебе и отпуск, которого ты хотел. И не три-четыре дня, а запросто два-три месяца!

Он произнес слабым осевшим голосом:

– За... втра... моро... женое... не... забудь!

И всегдашняя его скрытая, злорадная улыбка мелькнула на губах. Я внимательно взглянул на него. Выглядел он, конечно, неважно. Врач говорил, что нужна срочная операция. Потерю крови возмещали капельницей, но состояние его было очень неустойчиво.

Я смотрел, как кровь, капля за каплей, вытекала из основного пакета в накопитель поменьше, и оттуда уже, по узкой трубке, в его вену...

– Я оч... ень... пло... х?

Я подумал, что, если буду говорить с ним слишком мягко и успокаивающе, то это его, наоборот, испугает.

– Да, очень плох! – сказал я. – Думаю, тебе конец! Ну, машину ты нам свою царскую оставил, а как с остальным имуществом – завешание обдумал уже? Наверное, рад донельзя, что спихнул на нас твоих частных клиентов?

Я начал поигрывать с трубкой его капельницы. За месяцы, что миновали с начала войны, Парвиз, как и я, видел гибель многих наших друзей. Он знал, какими глазами смотрят на умирающих. И потому я во что бы то ни стало хотел избежать прямого взгляда ему в глаза.

Я вспомнил женщину в черном арабском платке, который она сняла, чтобы я перевязал Парвиза.

– Парвиз! До того, как ты отдашь концы, скажи мне вот что. Эта женщина, которой еду отвозили, – кто она? Зовут

как?

– Ги... ти...

Ему трудно было говорить.

– Ги... ти...

– Гити? Я понял.

Он подтвердил жестом пальцев. Издали сестра отделения поймала мой взгляд и, встав, решительным жестом показала, чтобы я заканчивал. Я знал, что всем раненым кололи обезболивающее, и все-таки здесь и там слышались стоны. Я жестом успокоил сестру: мол, скоро уйду!

– Итак, господин Парвиз, надеюсь, что, по воле Аллаха, ты попадешь в ад. Когда будешь туда проваливаться, посмотри в небольшую дверцу: увидишь, как мы с ребятами в раю играем в футбол. Тут-то тебе станет завидно... Ну ладно, мне пора идти. Поручения будут?

Я чувствовал, что мелю полную чушь. Но мозг мой ни на что лучшее не был способен. Как еще отвлечь его от того страшного положения, в которое он попал?

– Скажи... До... дома... не говорить!... Не знают... не говори... те... им...

– Ну ты давай, не глупи, парень! Как это – не сообщить домашним? А кто будет за тобой ухаживать?

Сестра уже стояла рядом со мной, просительно приложив руку к груди.

– Нет... После... завтра... Свадь... Свадьба... Сестры моей... Рас... строит...

Я уверил его, что понял, и обеими руками сжал ему правую руку. Но он был настолько слаб, что уже ничего не мог мне ответить. Не мог даже произнести слов «до свидания». Я отвернулся и пошел к выходу. Со вчерашнего дня он носился с этим отпуском, и вот только сейчас я узнал, отчего была вся эта спешка. Оказывается, у его сестры свадьба! Почему же он не сказал мне об этом? Свадьба при таком состоянии Парвиза легко могла превратиться в траур. Но что я мог поделать? И так уже котлеты заждались меня в кузове фургона...

Глава 6

Дым затягивал небо, такой густой, что красный цвет заката был едва виден над крышами. Я въехал в квартал Гити, затормозил. Мне было не по себе. Всё еще не хотелось мне заезжать в этот квартал, всё еще страх оставался!

Я взял свою зеленую сумку и вышел из фургона: пока не стемнело, нужно было обследовать воронку. Тот самый взрыв, внезапный, когда мы с Парвизом не успели выскочить из кабины.

Снаряд угодил прямо в глинобитную стену: в ней зияла большая дыра. А по всей площади взрыва, тут и там, виднелись осколки, они образовывали странной формы треугольник. Траекторию выстрела вряд ли можно будет определить, разве что узнаю тип снаряда. Присев, я подобрал один из осколков. Толщиной в два пальца, в длину он полностью закрывал ладонь руки. Осколки мины всегда были меньше этого. Значит, снаряд пушки или гаубицы. Напрягая в сумерках глаза, я оглядывался в поисках стабилизаторов. Шестиперый стабилизатор мины падает не более чем в двух-трех метрах от взрывной воронки, и, если бы он был, то я бы его нашел. Поэтому я записал в тетрадке:

Снаряд орудийный, 122 или 130 мм. **Траектория:** не определяется. **Время:** 12–30.

Убрал тетрадь и компас в сумку. Со стороны фургона по-

слышалось громкое бульканье. Я прислушался, но тут небо осветил первый за этот вечер луч вражеского осветительного снаряда. Он был похож на лампу, которой кто-то играет, крутя ее, и от него все тени улицы сдвигались по-новому. Я замер: зрелище было захватывающим. Этот луч света перенес меня в какой-то иной мир. В воспоминания о детстве и о кострах праздничных вечеров...

Потом я посмотрел направо. Там горела нефть, выделяя обильный дым, там было странное безмолвие вечера, и был проем больших железных ворот, которые оставались здесь же, прислоненными к стене; а этот пустой проем превращал квартал из тупикового в открытый.

И вдруг мне показалось, что сторож парка, как в детстве, бежит за мной и за ребятами. В этом самом месте я встретил и сторожа этого квартала. Он сидел на своей табуретке, прислонясь к стене, дремал в крохотной тени от ворот. Ребята шептались о чем-то, а я, не понимая, что это за квартал, спросил: что это за место?

– То самое место и есть!

И все рассмеялись, кроме меня. Потом один из них приблизился к моему уху и прошептал то, что для меня всё равно было загадкой. Это было то самое место, в которое до революции буквально рвались иностранные матросы, когда они сходили на берег в нашем порту, и за это их, бывало, колотили местные. От услышанного я весь покраснел, как мак.

Когда я пришел в себя, я всё еще был в этом же кварта-

ле. Кроме больших ворот здесь были воротца поменьше, и в них-то и исчезли ребята, оставив меня одного. Потом из какой-то двери вышла молодая женщина в цветастой накидке. Я смотрел на нее во все глаза. Наверняка это одна из *тех* женщин. Ее наруганные щеки, зеленые подглазья и то, что она жевала резинку, придавало ей необычный вид. Не заметив меня, она подошла к сторожу, очнувшемуся от своей дремы. Сторож ухмыльнулся, глядя на нее, а она, под предлогом того, что поправляет накидку, раскрыла ее. Под накидкой я увидел в ее руке красную пластиковую сумку для базара. Еще на ней было что-то белое без рукавов, с расстегнутыми на груди верхними пуговичками, оставляющими открытым ее горло. Сторож негромко проворковал:

– Скоро вернешься?

Женщина бесстыже рассмеялась:

– Ага! А ты боишься, что Хоршиду тебя заругает?

И они оба засмеялись, глядя друг на друга. Не переставая смеяться, она обернулась, и тут увидела меня и замолчала. А я всё еще не мог прийти в себя: неужели я вижу *такую* женщину? У нее были длинные ресницы и глаза цвета меда. Она глазами указала на меня сторожу. А он вдруг вскочил с места и схватил свою дубинку.

– А ну пошел отсюда, сукин сын!

И кинул в меня дубинкой. Послышался умоляющий крик женщины:

– Не бей его! Грех это! Пожалей его!

Дубинка ударила мне в правую голень, и мой крик слился с криком женщины. От боли я зажмурился, а когда открыл глаза, она склонялась надо мной, повторяя:

– Грех это! Смотри, что ты с ребенком сделал.

Сторож дернул ее за руку:

– Иди себе! Это не твое дело!

Я вскочил и, хромя, побежал прочь.

Удирал, а все-таки оглянулся: женщина вытирала уголок глаза. Может, слеза капнула, а может, поправляляла искусственные ресницы...

Нога очень болела. В укромном переулке я поднял штанину: посинело, и красный кровоподтек и опухоль!

...К началу первого урока в школе я опоздал и прибежал к маме, потому что без нее я боялся идти в школу. И вот она мыла мне ноги и в третий раз спрашивала, почему я опоздал на урок и откуда этот синяк. А я не отвечал до тех пор, пока она не поклялась, что не расскажет отцу. Тогда я выложил ей всё. Она опустила голову... Но в моем мире были вопросы поважнее, и вот я преодолел себя и спросил ее:

– Ну хорошо, но зачем? А? Эти женщины должны туда идти?

Быстрый взгляд матери, однако, показал мне, что я слишком далеко, не по возрасту, захожу...

Уже полностью стемнело. Я вернулся за руль фургона и по недавним нашим же следам поехал к дому той женщины...

Ей предназначались четыре котлеты и две лепешки лава-

ша.

«Неужели она из этой же категории? Нет, просто ей негде больше жить! Но если бы она не была из таких, разве выбрала бы этот квартал?»

Держа котлеты с хлебом, я ждал. Я уже посигналил, но старая деревянная дверь оставалась запертой. Еще раз погудел, на этот раз долго не отрывая руки от сигнала. Дверь неподвижна. Может, когда мы уехали, было еще одно попадание, и ее убило? Может, ее труп лежит там, в доме, в луже крови? А я, во власти упрямства и детских смутных страхов, так и буду стоять здесь, поодаль?

Преодолев себя, я подошел к двери вплотную. Ее дерево потемнело до цвета жженого кофе, о древности двери свидетельствовало и то, что запиралась она на засов изнутри.

– Кто там?

Это был ее, Гити, голос.

– Это я. Ужин привез.

Створка двери чуть приоткрылась, и я разглядел силуэт женщины в черном платке и с большой клюкой в руке. Узнав меня, она убрала палку за дверь и, не говоря ни слова, взяла лепешки с котлетами. Я стоял в растерянности. Может, эта моя медлительность ее удивила.

– Еще что-то?

– Нет, ничего! Вам ничего больше не нужно, ханум⁹?

⁹ Ханум — «госпожа» (перс), а также иногда употребляется в качестве обращения к проститутке.

И тут она взорвалась. Выпучив глаза и подбоченясь (хотя и не выпускала из рук лаваш с котлетами), она заорала изо всех сил, на которые только способна женщина:

– Мать твоя ханум! Тетка твоя! Твою мать, сукин сын!

И захлопнула двери. Прошли секунды, пока этот взрыв как-то отпустил меня. Потом я сел за руль.

Уже тронув фургон, я почувствовал, что раздражение мое не только не проходит, но и нарастает.

«Обругала мою мать! Мою мать, которая ничего ей плохого не сделала! Что я такого сказал? Я обратился к ней вежливо. Привез ей ужин. Чтоб она им подавилась! Тупое создание! Что утром, когда платок сразу сняла, что сейчас, когда вежливость встретила бранью. О Парвизе даже и не подумала спросить! Но ладно. Ладно. Чтоб я тебе еще раз привез? А этот чертов инженер? И ему не повезу! Я что, слуга им, что ли? С вечера до утра дежурство, а потом с утра поварешку в руки и фартук на пояс – и служить госпоже Гити и сумасшедшему инженеру? Буду возить провизию только в отряд, и точка. К чертям остальных! Пусть, как люди, получают в мечети. Вообще, лишь по вине Парвиза и его ранения всё это на меня свалилось...»

В этот момент машина резко налетела на что-то, точно на стенку, и меня бросило вперед.

Если бы ветровое стекло было на месте, я разбил бы лоб, но и так сильно ударился грудью о руль. И к моим прежним ушибам добавился этот. Я начал растирать грудь.

Выйдя из кабины, заглянул под колеса. Это был железный столб линии электропередачи, сегодня разорванный напополам и упавший поперек улицы, полностью ее перегородив. Я сильно пнул его: нужно же было на чем-то выместить досаду за сегодняшнее злополучие!

Я включил заднюю передачу и тронул фургон назад, и вдруг голубые лучи осветили высокие здания там, впереди, на перекрестке. Я затормозил. Слышался рев нескольких мощных моторов, с каждой секундой делающийся громче. Выскочив из кабины и откинув переднее сиденье, я схватил «калашников» Парвиза. И с этим оружием в руках перепрыгнул через поваленную опору и побежал вперед, опасаясь препятствий вроде битого кирпича и вылетевших из домов оконных рам и дверей... Темнота могла таить и другие опасности, и я напрягал всё тело, надеясь преодолеть их.

Перекресток едва освещался голубоватым светом, ослабленным маскировочными фильтрами, – это светили фары больших тягачей. Я узнал их массивные силуэты: за каждым грузовиком-тягачом темнел еще один устрашающий контур с длинным стволом. Вот проехал первый тягач: на прицепе у него 130-миллиметровая пушка. За ним второй, и опять пушка... И так шесть машин с шестью пушками, а следом за ними – джип майора. Значит, майор перебазировал куда-то дивизионную артиллерию.

Я укрывался за выступом стены. Когда проезжал майоров джип, я не разглядел, кто в нем, но наверняка там был сам

майор. Итак, из-за радара он перебрасывает орудия. Но, как говорит Амир, чем же мы тут можем помочь?

Бегом, опять перескочив поваленную железную опору, я вернулся к фургону. Если бы не она, сейчас меня бы на этом фургоне встретил майор – то-то посмеялся бы надо мной! Значит, всё сложилось к лучшему.

Я повел фургон дальше – тем осторожнее, чем ближе подъезжал к реке: чтобы с того берега не услышали меня. Остановил фургон недалеко от водяной цистерны возле штаба берегового отряда. А впереди виднелся мотоцикл и другой фургон, без крыши!

«Фургон минометчиков! Они тут что делают?»

Я вышел из кабины. Казем, не говоря мне ни слова, запрыгнул в кузов и начал отсчитывать котлеты для берегового отряда. Он был единственным надежным человеком, который никогда не ошибался в количестве порций.

– Котлет достаточно?

– А ты чего об этом беспокоишься? Бери себе свою порцию!

– Алейкум ас-салям! – слышалось сзади. – Дорогой новый водитель кухонной машины! Что же ты еще часика два нигде не поездил?

Это был голос бородатого Асадоллы. Я нервно улыбнулся: только его не хватало. Мне вспомнились его ехидные смешки по рации.

– Господин Асадолла! Опять не туда попал. Никак не могу

найти твой «апельсин».

– Успокойся, парень! – отпарировал он. – Опять с утра, перед тем как подняться на наблюдательный пост, морковный сок не выпил? Совсем глаза плохо видят? Наводчикам привык давать команды по рации: доворот влево, доворот вправо – думаешь, всем процессом командуешь?

Он даже анекдот про наводчиков сочинил:

«Ребята, знаете, в адрес наблюдателей поступило некое поощрительное письмо с того берега, – он кивнул в сторону врага. – Благодарят за неустанный труд и за требования артиллерийского огня, за начинание, которое помогает вспахивать их земли и восполнять недостаток в них металлов. Так и пишут: «Иншалла, после конца войны, что совпадет с окончанием пахотного периода, всем наблюдателям будут в ходе торжественной церемонии в Басре вручены памятные медали». И подпись: «Министр сельского хозяйства Саддам»!

Асадолла выдал эту тираду и первый же захохотал...

Раньше он сам был наблюдателем и тогда честил в хвост и в гриву артиллеристов, а теперь стал минометчиком, и гнев его, равно как и язвительность, перенеслись на наблюдателей. Но мне этим вечером было вовсе не до шуток. Ругань той женщины всё не шла из головы, и я чувствовал, что, если Асадолла повторит какую-нибудь одну – хотя бы одну – из своих обычных шуток, я взорвусь как заряд тротила от сработавшего капсюля. Действительно, взорвусь и уже не буду за себя отвечать, поди, угадай, на что я тогда буду способен.

Асадолла, видимо, понял это, потому шутить перестал. Сказал уже серьезно:

– Мы тебя ждали. Все собираемся в штабе минометчиков на совещание.

Ничего ему не ответив, я вошел в здание нашего отряда. Как всегда, дымил закопченный фонарь. К этому фонарю, вообще-то, у меня уже возникли сентиментальные чувства. Гасем так говорил:

– Что толку? Если уберешь фитиль, то пламя будет ближе к нефти, и опять вспыхнет.

Тем не менее я и сейчас укоротил фитиль. Из мрака вынырнула фигура Гасема. Свет фонаря еще резче выделял его скулы и запавшие глаза.

– Амир уехал на мотоцикле.

– Куда?

– На позиции минометчиков. А я тебя остался ждать.

До меня только тут дошло:

«На мотоцикле? Значит, его починили?»

– На моем мотоцикле уехал?

Гасему этот вопрос показался странным, и он ответил с нажимом:

– Естественно, на нем. Поехали скорее. Асадолла здесь засиделся.

Увидев мои колебания, Гасем еще больше удивился:

– Чего ты мешкаешь?

– Мне на фургоне ехать?

Опять вопрос той же категории! Кухонный фургон оставался по ночам в береговом отряде на тот случай, если кто-нибудь будет ранен. Тогда фургон становился санитарной машиной. Через некоторое время после начала войны Гасем выработал такой план: выводить ребят на позиции на пристани, чтобы они стреляли по врагу, а также отвлекали бы на себя огонь вражеской артиллерии...

– Не нужно. Асадолла для этого и приехал на своем фургоне.

Хотя я и зол был на ту женщину, почему и инженеру решил не отвозить еду, все-таки, если бы я распоряжался пищевым фургоном, я бы мог изменить свое решение. Насчет инженера у меня были кое-какие мысли.

Асадолла по дороге на свой участок продолжал словесную дуэль со мной, хотя я и молчал.

– У нас дома остался фартук моей матери. Нужен тебе? Не церемонься! Тебе в дар отдаем!

И он засмеялся.

– Мы по рации с таким важным человеком и раньше не дерзали спорить, а теперь вообще... Слово против скажешь – он порцию напололам срежет!

Даже Гасема Асадолла не стеснялся – тот сидел, о чем-то задумавшись. Ни слова за всю дорогу Гасем не произнес. Он всегда таким делался, встречаясь с какой-то новой трудностью.

Когда он впервые выдвинул тот свой план насчет приста-

ни, мы все на миг подумали, что он сошел с ума. Но на деле всё оказалось точно просчитанным.

На вид план был очень прост. В обычные дни враг выпускал по городу какое-то число снарядов, и господин Гасем потребовал от нас считать ежедневно это количество и сдавать ему сводки. Результат оказался удивительным. Даже в самые спокойные дни без боев враг делал по городу сто восемьдесят выстрелов плюс-минус 10. Так мы поняли, какое количество снарядов выделяется ежедневно на разрушение города. Согласно плану Гасема, мы каждый день рано утром, открывая огонь по передовой линии врага, вынуждали его тратить часть боеприпасов на ответный огонь по нам вместо огня по городу.

План, конечно, был рискованный... Ребята, заняв позиции на бетонных причалах, вели огонь не дольше одной минуты, а затем, еще до начала ответного огня вражеской артиллерии, успевали укрыться в единственном убежище возле реки. Так мы избавляли город от обстрелов.

План был неизменно успешен, за исключением дня, когда Парвиз пренебрег необходимостью прятаться в убежище и получил вражеский осколок в глаз. И навсегда после этого он остался без одного глаза. Гасем позже говорил, что Парвиз был слишком слаб от голода, едва на ногах стоял, потому и замешкался. Он, мол, сорок восемь часов не ел. Не есть сорок восемь часов? Я до сих пор не понимаю, как это, будучи водителем кухонного фургона, можно столько голодать?

– ...Мотоцикл? А он был исправен.

– Но я сам всё утро с ним возился, так и не завел!

– Ремонтник сказал, свеча была наполовину выкручена.

Ты свечи трогал?

Вопрос Амира меня рассердил.

«Зачем мне было свечу выкручивать?»

– А как ты узнал, что мотоцикл исправен?

– Его привез один из парней мастерской. Сказал, что владелец просил закончить ремонт к вечеру и доставить.

Амир и Асадолла смеялись. А я, кажется, начал понимать, в чем дело. Утром, после того, как я проснулся, пожалуй, единственным, кто подходил к мотоциклу, был Парвиз. Значит, это его рук дело.

«И поделом тебе, шайтан, ранение, помучайся с ним, поймаешь, во что играешь!»

В небе не было месяца, и тот большой окоп или котлован, где располагались минометчики, освещался только светом редких звезд, что видны были сквозь застилающие небо клубы дыма. Освещение, достаточное лишь для того, чтобы отличить большой темный предмет от большого светлого.

Устроенный минометчиками котлован напоминал лунные кратеры: выемка в земле, а вокруг кольцом бруствер, и торчат стволы минометов, каждый на двух подпорках, высотой в рост среднего человека, на толстой стальной опорной плите. Сама эта плита, с тремя острыми шипами, плотно сидела на земле, принимая на себя отдачу от минометных выстрелов.

Мы расселись: Амир на бруствере, я и Асадолла на черных крышках зарядных ящиков. В этой огневой точке было два 120-миллиметровых миномета, стрелявшие попеременно. Количество минометчиков, выдвинутых сюда, менялось в зависимости от обстановки. Но мне сейчас было не до этого. Я был голоден и зол. На то немного, что сообщил во время поездки Асадолла, я вообще внимания не обратил.

Амир, играя гильзой от вышибного патрона, начал говорить:

– Вчера дивизионная артиллерия потеряла одно орудие. Три дня мы уже не работаем никакой артиллерией. Совершенно непонятно, что мы навлечем на свои головы, если начнем стрелять.

– Всё очень просто! – сказал Асадолла. – Вся эта рассказанная майором схема с радаром действует в интересах наблюдателей. А двух-трех минометчиков отправить на кладбище – тут разве есть что-то новое?

Никто не рассмеялся шутке Асадоллы, и во всё остальное время совещания он предпочел просто слушать. Кто-то из парней с зажженным фонариком вышел из-за домов справа. И, хотя он старался направлять фонарик вниз, все-таки отблески от асфальта освещали стены домов. Словно чернота дверей и стен втягивала в себя частицы света.

– Значит, нам стволы зачехлить и сидеть, лапу сосать? Этот мой вопрос, кажется, всех ошеломил. А свет фонарика приближался.

– Интересное дело! – произнес Гасем.

– Какое именно? – спросил Амир.

– Послушай, – продолжал Гасем. – Пока наше оружие не стреляет, ничто ему не угрожает. Но одного выстрела достаточно, чтобы местоположение засекли. А когда засекут?..

Всем нам был ясен ответ. Поэтому никто его не произнес вслух. Гасем продолжал:

– Удивительная ситуация. Отсутствие нашего огня означает инициативу в руках противника. А огонь наш – вроде самоубийства. Установка их прямо чудодейственная...

Я вспомнил свой разговор с Амиром и сравнение с лягушкой. Пока муха не шевельнется, лягушка ее не видит. Но с первым же движением мухи выстреливается длинный и липкий лягушачий язык, и муха попадает в зеленую лягушачью пасть!

На миг мне показалось, что мы, точно как неподвижные мухи, сидим в широком минометном окопе, а электронная лягушка на той стороне реки караулит наш выстрел.

– У меня есть мысль, – сказал Гасем. – Не знаю, получится или нет.

Все молчали.

– Если уменьшить этот минометный окоп, тогда, может, и получится.

– Господин Гасем! Поясните, мы пока не понимаем.

Лицо Гасема теперь озарилось светом фонарика. Это к нам присоединился Мухаммад, молоденький паренек араб-

ского происхождения, некоторое время назад он стал радистом Асадоллы.

– Разве майор не говорил, что погрешность радара пять метров?

– Это не майор говорил – в письме было.

– Тогда вопрос ясен. Слушайте меня! Или нам остается сидеть, сложа руки, и мучиться страхом, который закончится разгромом, или мы стреляем, и нас уничтожают.

– Нет, в первом варианте можно немного помешкать: вдруг мы его засечем на том берегу?

В ответ на эту реплику Амира Гасем рассмеялся.

– Согласен! Два дня, что мы будем уменьшать минометные окопы, ты с твоим напарником ищите, может, найдете. Хотя разве известно, как он выглядит?

Гасем был прав. Мы даже силуэт радарной установки не знали. Может, он похож на другие радары, с крутящейся тарелкой. Я попытался представить себе эту тарелку, замаскированную на том берегу в переломанных пальмах и тростниках, и как я ее ищу с какой-то высокой точки наблюдения.

«Может, пристань и эти одноэтажные строения?»

Нет, нужна другая точка.

Я повернул голову в сторону нефтекомбината. Взорванные хранилища сильно дымили, и дым их северо-западным ветром несло над пограничной рекой на ту сторону.

«Может, одна из высоких точек на нефтезаводе?»

Но дым там застилал видимость. Нужно было искать что-

то другое: высокое здание, наверху которого можно оставаться долго и в бинокль исследовать пальмовые рощи и уходящую в бесконечность пустыню позади их.

– План мой таков! – продолжал Гасем. – В течение двух дней – не более чем двух! – вы двое находите радар. Если нет, мы вынуждены будем вновь начать огонь, но уже с новой целью...

– Здание инженера! – воскликнул я.

Все повернулись ко мне, а Мухаммад прямо осветил мое лицо фонариком. Мухаммад! Он был единственным здесь, кто всегда в полном молчании слушал других – о нем же самом я ничего не знал. По большей части он сидел в одиночестве где-нибудь в уголке и чуть слышно бормотал айаты Корана. На губах его, как правило, все видели спокойную улыбку, что само по себе в наших условиях граничило с чудом.

Свет фонаря резал мне глаза.

– Убери свет, дорогой! – попросил я его. – Я говорю о том месте, где можно сделать наблюдательный пункт. Один из сумасшедших дружков Парвиза живет в этом обгорелом семиэтажном здании. Я завтра с раннего утра займу там позицию.

Асадолла выглядел каким-то растерянным. Он чувствовал, что всё, что говорится, представляет некую угрозу для него и его парней. Гасем встал на ноги и, взяв фонарь из рук Мухаммада, небольшой щепочкой на ровном участке земли сделал ямку.

– Допустим, это наш миномет!

Затем он прочертил две параллельные линии и объявил:

– Это река, отделяющая нас от наших, так сказать, оппонентов.

Еще одна ямка на той стороне реки: радар; и два крестика.

– Это их пункт управления, куда радар передает свои сведения, а этот второй крестик – их батарея, которая стреляет в соответствии с указаниями радара.

После этого Гасем направил луч на меня и Амира.

– Если вы двое не найдете их установку... – тут он перевел луч на лицо Асадоллы. – Тогда господин Асадолла должен будет определенным образом обмануть радар!

– Каким образом? – Асадолла спросил это со своей обычной угрожающей ухмылкой, которая в свете фонарика стала еще более зловещей.

– А вот слушай. До сих пор мы говорили только о сильных сторонах их установки. Этого они и ждут от нас. Но я всё думаю об этих пяти метрах ошибки. А тем более, если установка не прямо напротив нас... Тогда мы каким-то образом должны убедить врага, что погрешность их системы гораздо больше пяти метров. Так, чтобы они сами засомневались в своем радаре – это нам и требуется. Пусть считают, что его погрешность превышает сто метров! А коли так, то это не отличается от точности работы тренированного наблюдателя, использующего только глаза и бинокль. Раз так, то мы квиты, и установка не будет казаться им надежной.

– Это всё хорошо! – откликнулся Асадолла. – Но вопрос-то был задан: каким образом?

– Точно таким же, как в первые дни мы, выходя на причалы, отвлекали на себя огонь от города.

И лучом фонарика Гасем обежал по брустверу минометного котлована.

– Этот окоп надо сделать гораздо меньше – узкой щелью. Из нее стреляем и молимся, чтобы сработала погрешность пять метров. Но на каждый их выстрел отвечаем своим.

– А как же минометчики?

– Для них сделать надежный блиндаж, связанный с минометным окопом. И после каждого выстрела – бегом в блиндаж!

Гасем сел на свое прежнее место и отбросил щепочку. Благодаря ее белизне было видно, как щепка, упавшая на край зарядного ящика, какое-то время держалась на нем, потом пропала во тьме.

Некоторое время царило полное молчание. У нас было только два дня. Если не сумеем найти, тогда, по этому плану, Асадолла и еще кто-то из минометчиков должны будут сидеть в этом окопе и ждать себе на голову сорок два фунта в тротиловом эквиваленте – снаряд вражеского 130-миллиметрового орудия. В случае попадания была вероятность, что не сможем найти даже малейшего кусочка их тел.

– Лучше новый окоп вырыть на новом месте.

– Согласен, лучше. И еще одно! Никто, кроме самих ми-

нометчиков, ничего не должен об этом знать. Это очень важно!

При этих словах Гасем взглянул на меня, и я его понял. Молчание продолжалось. Шутки шутками, но всё принимало серьезный оборот. Начиналась смертельная игра с субъектом, который является неодушевленным, но который вот в этот самый момент внимательно разглядывает весь наш город. И достаточно нам чихнуть, как сработает автоматика и захлопнется пасть.

— Если они потеряют уверенность в этом аппарате и чувство безопасности, которое он им дает, а вместо этого получают сомнения, то мы, возможно, вернемся на первоначальную позицию. А именно: ответ выстрелом на выстрел. Но раньше всего этого вы двое должны сделать свою работу!

Наши с Амиром взгляды встретились. Если нам удастся отыскать замаскированный радар, то этот самоубийственный план окажется не нужен.

В глазах Амира я заметил искру упорства. План Гасема был куда рискованнее обычных боевых действий. Раньше, как только враг открывал огонь, все кидались прочь от вероятных секторов поражения. На этот раз основной прием состоял в том, чтобы остаться в секторе попадания! Почему? Потому что времени добежать до безопасной зоны уже не было. В том и заключалось всё дело. Остаться в зоне поражения снарядам врага, да еще при том, что окоп полон боеприпасов! Такого безжалостного способа ведения войны мы

еще не применяли – причем теперь мы это делали по собственной воле.

Еще миг – и всё погрузилось в полный мрак. Гасем выключил фонарик. У меня на уме теперь было только одно: многоэтажное здание инженера! Инженера, который с обеда остается голодным...

Глава 7

Визг плохих тормозов фургона разорвал тишину вокруг семиэтажного здания инженера. Я ломал голову над тем, как мне выйти из неловкой ситуации: опоздал с доставкой еды...

Дверь фургона открылась с обычным своим скрежетом. Приподняв сиденье, я достал «калашников» и закинул его за плечо. Доверия к инженеру у меня не было. Полусумасшедший старик с этими странными вопросами, темная ночь...

Забрав из кузова лаваш с котлетами, лежавшими отдельно от порций берегового отряда, я поднял голову. И увидел, что окно третьего этажа освещено бледным светом фонаря или свечи и на этом фоне чернеет голова мужчины, рядом – черные силуэты кактусов. И опять тысячи вопросов взвихрились в мозгу:

«Зачем старику жить именно в этом здании? Почему он не уехал из города?»

Пока я шел к зданию, хоть что-то было видно вокруг благодаря слабому свету звезд. Но в вестибюле я погрузился в полную тьму. Постоял, надеясь, что глаза привыкнут к мраку...

– Поднимайся! Поднимайся наверх!

Это был голос инженера – старчески дребезжащий. Наверху забрезжил свет фонаря. Я половчее закинул за спину автомат, поправил бинокль на груди и полез вверх по дере-

вянной лестнице. Лаваш с котлетами я держал в правой руке на отлете.

Первая лесенка, за ней вторая... Когда голова моя поднялась вровень с третьим этажом, в глаза брызнул свет, от которого я невольно зажмурился. А когда открыл глаза, прямо передо мной сидел на корточках инженер...

И вот я уже присел на пружинную кровать и наблюдаю, как он торопливо ужинает. Он сделал из лаваша и котлет нечто вроде сэндвича, и видно, как он сильно проголодался.

– А ты сыт?

Вообще-то я не ел, но и голодным себя не чувствовал. Мною владело невероятное нервное напряжение. Я очень устал и хотел как можно скорее лечь отдохнуть. Я ждал лишь, пока он закончит есть.

Всё то время, что он ужинал, он на меня даже не взглянул. Не спросил, почему я опоздал – может, не разрешал себе это спрашивать.

Прикончив свои самодельные сэндвичи, он налил в чашку воды из контейнера и залпом выпил. Опустив чашку, вытер рот тыльной стороной ладони.

Я посматривал на сваленные кучей книги в декоративной нише. Инженер подошел к кровати, на которой я сидел, и сел рядом со мной. Кровать от этого спружинила. Я понимал, что мой приезд его удивил. О ранении Парвиза он наверняка ничего не знал, но ни сил, ни охоты рассказывать об этом у меня не было. Единственное мое дело к этому стари-

ку состояло в том, что я собирался два полных дня провести на крыше здания – но не просить же мне его разрешения на это? Шла война, и потом, он сам не имел никаких прав на этот дом...

– Ну что, а где же твой друг?

Я не счел нужным отвечать. Тогда он встал, прошелся по комнате, затем, повернувшись ко мне, сделал мне знак рукой встать.

– Юноша! Во-первых, встань, пожалуйста, а во-вторых, отвечай! Что такое *what*?

Почему-то мне вспомнился крик Гити: «Мать твоя – ханум...»

Теперь этот... Случай номер два.

– побыстрее отвечай! Что такое *what*?

Я, конечно, предпочел бы, чтобы в нынешнем ворохе проблем хотя бы инженер не был еще одной. Но похоже было, что он набил желудок и теперь, как сытый котик, ищет, с чем бы поиграть. Однако я был очень опасной игрушкой!

– Я последний раз спрашиваю. Если не ответишь, то выгоню тебя вон. Что такое *what*?

Я неторопливо достал из-за спины автомат Калашникова. Снял его с предохранителя и передернул затвор. Указал стволом на окно и взгляделся в изумленные глаза старика.

– Хочешь знать, что такое *what*? Член в рот! Черта в ступе! Ты меня утомил!!

И я, не помня себя, нажал на курок. Очередь грянула как

удар грома. Послышался удар пули обо что-то. Старик побежал к окошку.

– Мой кактус в горшке!

Я посмотрел: одного из горшков на подоконнике уже не было. При этом я сам удивился своему хладнокровию. Безумный старик! Нашел время цветы разводить. Кактусы, видите ли.

– Вернись и подойди сюда! Быстро! – приказал я, и старик быстро подошел ко мне. Его била нервная дрожь.

– Зачем ты выстрелил в мой горшок?

– Не надоело ерунду молоть? Что такое *what*? Что такое *what*! Это и весь вопрос? Я не знаю, что приводило сюда моего друга, но у меня здесь есть работа – на два ближайших дня, там, наверху. А клоунадой заниматься нет ни времени, ни сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.